Потомок

Автор:
Анастасия Хрусталева

Потомок

Анастасия Хрусталева

Владимир Хрусталев

Герой произведения, совершенно обычный человек, живущий в современном мире, внезапно оказывается в сложной жизненной ситуации, грозящей гибелью всему человечеству. Высшие силы открывают ему, что он далекий потомок пророка Моисея, которому многое дано и подвигают его на борьбу. Вступив в схватку и победив с помощью приобретенных возможностей экстрасенсорики, он ведет уцелевших людей в течение следующих сорока лет к новой, совершенной формации общества.

Владимир Хрусталев, Анастасия Хрусталева

Потомок

Вопрос об экстрасенсорных возможностях людей остается почти не изученным и по сегодняшний день: дар ли это, сродни гениальности, или малоизученные и совершенно не развитые, в следствии этого, способности всех людей. В конце концов, мы появляемся на свет, не умея даже разговаривать, но наш мозг готов усваивать эти навыки, и мы осваиваем их благодаря отработанной тысячелетиями методике. Может также должно происходить и с экстрасенсорными возможностями людей, просто нет пока изученных и описанных данных развития этих способностей.

I. Дорога к морю

1. Крушение

Самолет, полет Москва – Лос-Анжелес. Лечу к родственникам в Сакраменто. Двенадцатый час полета из анонсированных четырнадцати. Сижу у окна по правому борту над элеронами крыла. Соседка летит тоже к родственникам на Аляску. Жалуется, что там холодно, поэтому тащит сумку с теплыми вещами.

Настроение хорошее, только проснулся.

Внезапный толчок, самолет кренится и резко снижается. Что-то не так, в иллюминатор вижу дым за крылом, начинают появляться растущие языки пламени. Понимаю, что падаем, земля быстро приближается. Внизу горы, покрытые редким лесом и снегом, вдали несколько рек, на горизонте открытая вода, по-видимому, океан или прибрежное море Канады или Аляски. В салоне начинается паника, шум и гвалт. Стараюсь абстрагироваться от этого, надо сосредоточится. Падение очень быстрое, пилот пытается выровнять самолет. Осознаю, что гибель почти неизбежна, но пытаться выжить надо. Закрываю глаза и про себя читаю молитву «Господи, спаси…».

Сижу у аварийного выхода, пытаюсь рассчитать, когда вылезти через люк. До земли совсем немного. Под крылом проносится скалистый шпиль горы и срезает горящий уже полностью двигатель, как бритвой, – легко и почти без рывка. Огонь исчезает вместе с оторванным мотором. В голове возникает неизвестно откуда взявшееся понимание, что люк надо использовать именно сейчас, через минуту будет уже поздно. Рву рычаг, люк очень легко открывается, вылезаю на крыло. Поток воздуха пытается стащить меня с крыла. Крепко держусь за край открытого люка, прижимая к груди сумку ручного багажа. В ней мои документы, и сохранить их мне кажется очень важным, но ветер вырывает ее и уносит куда-то вверх, на другую сторону от фюзеляжа. Соседка пытается пролезть за мной, выталкивает вперед свою сумку, мужик позади нее нагло лезет к люку, мешает ей, толкает и неимоверно ругается матом на всех и все вокруг.

Вижу, как машина проскакивает над краем леса и вылетает на последних метрах своего полета над заснеженным ровным пространством, чтобы попытаться как-то приземлиться. Лайнер бьется брюхом о землю, от удара я выброшен с крыла, лечу в снег. В полете успеваю разглядеть, как самолет подпрыгивает и немного взлетает. Справа обрыв, впереди ровное плато, клином зажатое между лесом и ущельем, идущим вдаль почти параллельно курсу самолета.

В голове вырисовывается вся последовательность событий: падение неизбежно, будучи еще на достаточной высоте, пилот лайнера намечает ровную площадку, подходящую для аварийной посадки. К сожалению, она почти поперечна курсу. Заложив штурвал до предела, летчик старается направить машину на плато, чтобы сесть на брюхо, но первое касание самолета с землей меняет его траекторию, слишком велика еще инерция прежнего курса движения. Машина сильно кренится и, зацепившись правым крылом о землю, отклоняется от курса и срывается в пропасть. Успеваю заметить искаженное от ужаса лицо соседки, так и не протиснувшейся в люк. Через несколько мгновений, заполненных шумом от падения, лязгом металла и грохотом взрыва, наступает мертвая тишина. Выскакиваю из пушистого сугроба, бегу к обрыву, встаю на самый край. Самолет, проскочив ущелье, врезался в противоположный, более высокий скалистый край, опалив его сильным взрывом. Упавшие на дно, примерно метров на сто, горят бесчисленные обломки лайнера. Черные клубы дыма громадным столбом начинают подниматься, заслоняя собой и обломки, и все ущелье. Опаленный жаром, отскакиваю от края, падаю спиной в снег. Он охлаждает меня и возвращает к реальности. О помощи людям, оставшимся в самолете, рассуждать не приходится: после такого не выживают.

Поднимаюсь, понимая при этом, что совершенно цел. Отвернувшись от клубов дыма, осматриваюсь. За спиной – ущелье, впереди – борозда от удара самолета. С правой стороны – заснеженное плато, на которое пилот пытался посадить машину. Слева вижу отходящую наискосок от ущелья длинную гряду скал, напротив нее – темный лес, поднимающийся по склонам вверх, и снежную полосу между ними, уходящую вдаль.

Весь этот пейзаж обрамлен массивами гор со снежными вершинами, возвышающимися повсюду. Понимаю, что если идти, то идти надо между скалами и лесом по заснеженной полосе, ее направление, кажется, и есть путь к океану.

В голове не переставая звучат шум и гам, царившие в самолете в последние минуты перед падением. Окружающая тишина проникает в мою голову, вытесняя немыслимый гвалт криков людей, находившихся в самолете. Все умолкает, и остается только шум леса. Холод тоже делает свое дело – забирается под одежду, которой на мне и так мало, ведь летел я в футболке, джинсах и тоненькой куртке. Пронизывающий ветер охладил меня, голова начала работать четко и продуктивно, блокируя все всплески воспоминаний падения.

Неподалеку валяется сумка соседки. Свою я потерял еще до падения с крыла. Ну что же, будем считать, что поменялись. Нахожу в ней свитер, несколько шерстяных кофт, толстовку, теплую шапку, носки, сигареты, зажигалку и большой маникюрный набор, неизвестно как протащенный ей на борт через все осмотры. В нем, кроме обычного, нахожу ножницы острой формы, длиной порядка пятнадцати сантиметров. В моей были только деньги, документы да пара футболок. Сам с собой соглашаюсь, что обмен вышел очень выгодным для меня.

Теперь надо решить, что делать дальше: оставаться ждать спасателей или идти искать людей. Вспоминаю ландшафт из иллюминатора и представляю маршрут: надо двигаться к океану дальше вдоль берега, пока не встречу людей или корабли. Прикидываю, что до океана примерно пятьдесят километров. Холод, снег, еда отсутствует, а оружия, кроме ножниц, никакого нет – безнадега.

За раздумьями натягиваю свитер, сверху толстовку. Больше ничего не поддеть, толстовка маловата, поэтому сверху обматываюсь парой шерстяных кофт. На мне хорошие утепленные, высокие кроссовки, вниз натягиваю теплые носки, остальное складываю в сумку.

Теперь надо решать: идти или ждать. Ждать, может, придется долго, никакой уверенности, что самолет быстро найдут, – нет. Больше трех-четырех суток мне без еды и оружия не вытянуть, а еще и звери могут прийти, ведь они бывают разные: травоядные – хорошо, но с одними ножницами мне их не догнать, а от хищников такое оружие меня не спасет. Сознание подсказывает: надо идти. Спасатели все равно увидят следы, если снегопада не будет, а значит, меня найдут. В памяти всплывают слова моей матери: «Ждать и догонять – хуже всего; догонять еще куда ни шло, все-таки движешься». И я понимаю, что принял правильное решение. Эти мысли заставляют меня задуматься о моих родных, становится невероятно больно, за них, какие чувства они испытают,

когда узнают о крушении. Маме девяносто два года, ей будет тяжелее всех. Пусть надежда всегда остается с ними.

Поворачиваюсь к заснеженной полосе: «Ну, теперь ты – моя дорога к жизни. Господи, помоги мне одолеть ее».

2. Схватка

Сейчас примерно три часа дня. Начинаю движение по заснеженной полосе между скалами и лесом. Впереди километра на три тянется подъем, что там дальше – не видно. Глубокий мягкий снег раскинулся словно море: то по колено, то по пояс, порой и выше. Идти без привычки тяжело, поэтому приходится часто отдыхать. Думаю о ночевке, надо натаскать валежника из леса и развести костер под скалами – хоть спина будет защищена от ветра. Понимаю, что без пищи протяну дня три, а еще и без опыта, без по-настоящему теплой одежды, оружия… Прогоняю эти мысли: надо бороться до последнего.

До перевала остается немного, решаю остановиться на ночлег тут, ведь наверху более ветрено. Иду к лесу за дровами. Лес негустой, заросший у опушки ивовыми кустами. Валежника и мелкого сухостоя полно. Удачно, ведь топора нет. С полной охапкой дров иду к скалам, прикидываю, что на всю ночь надо охапок пять, не меньше. Принес первую, утоптал площадку у подножья скалы, зашагал обратно к лесу. Краем правого глаза заметил движение.

Внизу, примерно в километре от меня, два волка вышли из леса и нюхают мои следы. Не спешат, засеменили за мной, знают, что мне не уйти. Хорошо, что пока не видят, только чуют. Рой мыслей, отвергаю одну за другой. По логике вещей, лес – их дом, на дереве больше часа не высижу, костер развести не успею, да и дров там всего чуть-чуть… Остается бежать вверх, может, будет какое-то укрытие. Хватаю сумку, бегу. Волки увидели меня, пошли рысцой, особо не торопясь. Запыхался, волки все ближе, ищу глазами хоть что-нибудь, хоть палку какую-нибудь. Впереди, метрах в ста, что-то темное торчит из снега. Не добежать, расстояние сокращается, волки несутся уже во всю прыть. Вспоминаю про ножницы! Рву сумку, маникюрный набор в руках. Руки не слушаются, не могу открыть его. Вдруг взгляд останавливается на скале: прямо напротив меня, на небольшой высоте начинается расщелина и, расширяющимся клином, уходит

вверх. Добегу ли? Метров тридцать. Добежал. Запрыгну ли? Высота – полтора-два метра. Подпрыгнул, подтянулся, влез… Волк лязгает зубами и с куском моей толстовки отпрыгивает вниз. Думал вскочить на спину, вцепиться в шею, но я подпрыгнул, и он промахнулся.

В расщелине места впритык, волк не запрыгнет, значит, будет пытаться ухватить за что-нибудь и вытащить меня. Хорошо, что ноги прикрыты небольшим выступом в четверть метра. Развернулся. Волки начинают разбегаться. Где мои ножницы? Вытаскиваю из-за пазухи набор. Открыть не успеваю. Волк, что поменьше, наверное, самка прыгает, зацепляется передними лапами за кромку выступа и начинает лязгать зубами, пытаясь схватить за штаны. Замахиваюсь маникюрным набором, делаю вид, что ударю, при этом истошно кричу, пытаясь осадить наглых зверей. Волк зажмуривается и отпрыгивает вниз. Успеваю открыть набор и хватаю ножницы. Второй, более крупный волк, заканчивает разбег, высоко прыгает и передними лапами сразу попадает на выступ, подтягивает туда же задние и начинает тянуться к моему горлу. Пока он на уровне моего живота, успеваю нанести ему удар ножницами сверху в затылок и сразу еще один туда же. Волк как подкошенный падает вниз и даже не бьется в судорогах. Вытягивается как струна и сразу замирает. Удачно попал: мгновенный паралич – и смерть.

Волчица только разъярилась от этого. Прыгает, рычит, глаза налились кровью… Но мне уже не страшно, она гораздо меньше. С ней можно и сразиться. Вдруг, даже не успев подумать, в момент, когда она на секунду зависла на выступе, успеваю схватить ее за шиворот и развернуть мордой к лесу. Правая рука как-то неудачно соскочила с одного ушка ножниц, и они открылись на девяносто градусов.

Вонзаю ножницы, держа за оставшееся ушко. Вторая часть повернулась поперек и мешает вонзить острие глубже. Волчица бьется, но чувствую, что рана незначительна и в ее движениях еще много силы. Держать ее становится тяжело. Выпускаю, но перед этим делаю рез лезвием ножниц от себя и уже у падающего тела вижу хлестанувший фонтан крови из горла. Ага, вскрыл артерию. Радость необыкновенная. Жив, победил и мяса теперь полно.

Волчица, захлебываясь собственной кровью, бегает по кругу под скалой, окрашивая, как из брандспойта, все больше и ярче снег кровью.

Начинаю вылезать, мне уже совершенно не страшно. Встал под скалой, жду. Ей не до меня, да и, наверное, уже не до кого. Шаги все короче, тело неустойчиво, вот уже и задок не бежит, а тащится за передними лапами, а они все реже переступают.

Все, встала, опустила голову к мертвому телу друга, захрипела и упала на него. Кровь, слабо пульсируя, некоторое время еще продолжала стекать по шкуре из раны, но вот и она иссякла. Изумительно, кровь спущена, мясо будет вкусным. Дотащил волчицу до места, где оставил хворост, сходил принес еще пару охапок. Сил больше нет. Зажигалкой разжег костер, погрелся чуток и принялся как мог ножницами свежевать волчицу. Получилось плохо, но как получилось, и то спасибо. Вскрыл тушу, срезал кусок мяса, вырезал часть печени и пожарил все это, нанизывая куски на ветки. Печень прожарилась лучше, а мясо осталось почти сырое. Я оставил его дожарить утром. Затем, пока туша не закоченела, нарезал куски мяса разной длины, свернул их рулончиками и положил на снег замерзать. Это теперь будет моей едой, пока не встречу людей.

Ложусь у костра спиной к скалам, подстелив все что можно на снег, голову кладу на холку волчицы, благо она еще теплая. Шерсть мягкая, мне удобно и хорошо. Чувство победы согревает меня изнутри, но вообще-то холодновато.

«Господи, спасибо, что помогаешь мне…» И то верно, Господь помог, ведь я городской житель и никакого опыта в подобных делах не имею. С этими мыслями и засыпаю.

Проспал недолго, открыл глаза от предчувствия чего-то. Явно есть повод, но что он из себя представляет? Подбросил дровишек, встал размять ноги. Слышно, кто-то идет по снегу. Ура, наверное, спасатели пришли. Пригляделся – опять волк, встал напротив меня шагах в двадцати, рыгает. К нему подбежал еще один, затем еще два. Стоят, смотрят на меня, но вперед не идут. Неподалеку, у туши убитого мной волка, еще пара зверей жадно жрут мясо. Понимаю, что они насытились и, скорее всего, на меня покушаться не станут. Волки еще постояли недолго, два доедавших сородича тоже подошли, посмотрели на меня, и все вместе посеменили кильватерным строем в сторону леса. Надо бросить им и остатки волчицы. Будут питаться этим пару дней, а там и мои следы занесет. Лишь бы не стали преследовать завтра, когда я пойду дальше.

Костер разгорелся, я подсел поближе к огню, согрелся и, подбросив еще дровишек, задремал, облокотившись на тело волчицы. Напротив, за лесом,

начало светлеть небо. Восток там, значит, моя дорога идет на север, как я и думал, прямо по снежной полосе. Там море, надеюсь, там и спасение.

3. Чужая смерть

Проснулся от холода. Чудесный солнечный день, мороз выдался несильный. Хочется пить. Хорошо бы горячего чая, но посуды, чтобы вскипятить воду, нет. Приходится есть снег, растапливая его во рту. Зубы ломит, но деваться некуда. Развел из остатков дров костер, хватило согреться и дожарить вчерашний кусок мяса. Сыт, согрелся, пора собираться в дорогу.

Пробиваюсь через снег. Пока легко. Иду по своим вчерашним следам, но вот они заканчиваются, дальше целина. Вот и торчащая из снега палка, до которой вчера не успел добежать. На ней забавным завитком намерз снег. Тяну за нее. Это же карабин, укороченная винтовка. Вслед за ним из снега появляется крепко сжимающая приклад у излучины рука с бледными, замершими пальцами. Начинаю разгребать снег. Появляется обглоданное лицо с разорванной шеей, потом туловище в толстом сером свитере, ноги в теплых лыжных штанах, заправленных в черные меховые унты. Вторая рука лежит на поясе. Человек пытался вытащить большой нож из ножен на ремне, но не успел, бедолага. Разжимаю пальцы покойника, они хрустят как лед, чуть не ломаются. Отодвигаю клацающий затвор. В магазине, заряжающемся сверху, поблескивает один патрон 7,62?54. Оглядываюсь вокруг. Неподалеку несколько холмиков. Понимаю, что под снегом что-то есть. Начинаю разгребать. Под ближайшим сугробом нахожу сброшенную перед боем куртку «Аляску», под следующими тремя – обглоданные в разной степени туши мертвых волков.

Перед глазами отчетливо встает вся картина: волки догоняют человека, пытающегося добежать до скал, чтобы прикрыть спину. Но путь отрезан, значит, бой будет прямо здесь, на открытом месте. Неудобно, волки все равно зайдут сзади… Человек срывает карабин. Бах – один волк с визгом падает, обрызгивая снег кровью. Звук выстрела испугал волков, но лишь на полминуты. Человек успел продвинуться поближе к скалам, но до них еще шагов тридцать, а волки тем временем опять рвутся вперед. Еще два выстрела – и еще два волка, скуля, закрутились в снегу. В этот момент самый крупный волк, по всей видимости, вожак, в прыжке успевает впиться в горло и, рванув изо всех сил, отскакивает в

сторону. Человек пытается перезарядить карабин, но поздно, струя крови высоким фонтаном устремляется вверх из разорванного горла. Рефлекторно мужчина еще пытается вытащить нож и в этой попытке замирает навеки. Волки жрут погибших товарищей и лишь вожак начинает обгладывать лицо убитого человека, но то ли не вкусно, то ли волки аппетитнее пахнут, скоро и он перебирается к телам мертвых собратьев. Пытаюсь отогнать всплывшие в сознании картинки гибели, но они не уходят сразу, а все чередуются: то выстрелы, то вой волков, то свара у дохлых тел…

Наконец, справляюсь с разгулявшимся воображением и начинаю обдумывать случившееся. Первым делом обыскиваю карманы куртки, нахожу документы погибшего. В именах-фамилиях американцев не разбираюсь, но по фото понимаю: это был индеец или тунгус.

В лежащем под курткой рюкзаке нахожу полный набор необходимых вещей: алюминиевые кружка с миской, котелок, ложка из нержавейки, а еще запасные теплые носки, варежки, пару футболок, трусы, пакет с солью, еще один с какими-то приправами, пакет чая, три коробки охотничьих спичек и упакованные в целлофановые пакеты невыделанные шкурки соболей. На поясе, кроме острого большого ножа в ножнах и туристического топорика, нахожу сумку-патронташ и в ней – о счастье! – еще три патрона. Маловато для охотника-промысловика, но понимаю, что волки преследовали его довольно долго и многое он уже растратил на них. Не помогло… С руки снимаю механические часы на браслете, они сразу начинают ходить, но время неверное, конечно. Судя по дате, застывшей на циферблате, мы разошлись с ним всего на пару суток.

Благодарю Бога, ведь его смерть – мое спасение. Теперь я по-настоящему тепло и удобно одет, есть даже во что переодеться в случае необходимости, но самое главное – оружие, нож и топорик. Развожу костер, кипячу чай, быстро переодеваюсь у костра. Все, включая теплые штаны, куртку и остальную одежду, ну прямо как по мне сшито. Напиваюсь чая, складываю все оставшееся в рюкзак, за исключением шкур – их выбрасываю. Дотаскиваю мертвое тело охотника до скал, накрываю его двумя кофтами, заваливаю снегом и камнями, валяющимися у скалы в избытке.

Солнце уже перевалило за полдень, по ощущениям, где-то час. Пусть так и будет, ставлю стрелки, перевожу дату на девятое октября, и в путь. Что-то останавливает, чего-то забыл или не сделал. Возвращаюсь к моим трофеям – волкам. Встаю у тел: сначала волка, затем волчицы. Не знаю, отчего поступаю

так, но с помощью ножа и топорика быстро вырезаю из останков по когтю и клыку, теша себя мыслью, что древние люди всегда так делали. Кладу их в карман и отправляюсь в дорогу. Отмечаю, насколько удобнее нести рюкзак погибшего, чем сумку соседки.

Прикидываю, что часов в шесть вечера остановлюсь на ночлег. У тел волков, убитых охотником, даже не приостановился: это не мои трофеи.

Еще пара десятков шагов, и я преодолеваю водораздел. Горизонт открывает захватывающую дух картину. Моя снежная дорога, полоса между скалами и лесом, через несколько километров ныряет вниз и виднеется уже где-то вдали. Откуда-то со скалы на нее падает водопад, весь в искрящейся радуге, и через какое-то расстояние, умерив прыть, вода течет уже плавно, покрываясь льдом. Потом моя заснеженная дорога с речушкой опять ныряет куда-то вниз, и дальше виднеется лишь бледно-голубой океан с немногочисленными островами.

Кругом горы, снег, лес и море-океан вдали. Километров тридцать, а может, и все шестьдесят. Какая разница? День или несколько дней пути. Главное, я не ошибся и океан уже виден. Господи, благодарю тебя. С этими мыслями начинаю движение к намеченной цели, – к морю.

4. Гризли

Идти по-прежнему тяжело, отсутствие навыка и привычки нагружать свои мышцы в достаточной степени сказывается чем дальше, тем очевидней. Даже пушистый снег через пару километров становится тяжелым.

Дошел до очередного водораздела. Теперь мне видна вся долина до обрыва перед морем. В другой бы ситуации любовался полчаса, снимал на телефон, рассылал друзьям. Сейчас телефона нет, а сам вид скорее озадачивает, чем ласкает взгляд.

Но есть все же плюс: теперь я могу более-менее верно оценить дистанцию пути, хотя еще неизвестно, что там, за кромкой горизонта перед океаном. Оглядываюсь назад. Мои следы почти ровной полосой уходят за тот водораздел,

где я нашел мертвого охотника. Это примерно в три-четыре раза короче того пути, который развернулся до горизонта перед океаном, значит, впереди меня ждет еще как минимум день пути.

Решаю заночевать прямо здесь. Хорошо, что моя дорога стала заметно уже, не более пятидесяти метров, хворост таскать теперь намного ближе. С помощью топорика хворост собрал легко, под скалой нашел удобное место для ночлега – маленькое углубление типа грота, как раз на одного человека. Принес еще пару охапок дров, чуток разгреб ногами снег, под ним оказался сухой мох, спать на нем и тряпках, которых теперь у меня в изобилии, будет весьма мягко, а тепло мне даст костер. Зажигалка поначалу разгорелась, но в следующую минуту огонек ее уменьшился, стал желтым и погас, так и не запалив отобранные сухие ветки и кору. Как же вовремя у меня оказались спички, с их помощью мне быстро удалось разжечь огонь. Пошло тепло. Я развалился на тряпках, достал свои припасы из шестнадцати свитков замерзшего красного мяса. Откусил кусок волчатины, разжевал. Довольно вкусно, а уж когда поджарил и посолил, получился деликатес. Трапезу я закончил горячим чаем, вскипятив его в котелке на огне. Поблагодарил, как обычно, Бога за помощь, что не оставил меня в беде, и уснул.

Утро нового дня снова встретило меня ярким солнцем, безоблачным небом и легким морозцем. Настроение приподнятое. За сегодня я подойду к видимому горизонту, а там океан, люди, корабли. Все это вселяло надежду, несмотря на горькие нотки воспоминаний о разбившемся самолете и погибшем охотнике. Быстро разжег костер, малость погрелся, пока вскипала вода и жарилось мясо, поел, собрал все и двинулся в путь.

Следующие километров восемь все было как вчера, правда, идти мне стало легче: сказалось привыкание. Зато дальше меня ждала заслуженная награда, даже две. Во-первых, неописуемой красоты радужный водопад. Во-вторых, маленькая лагуна у берега с прозрачной водой и плавающими в ней рыбками. Я тут же, не ожидая от себя такой прыти, выловил одну из них прямо руками, а другую просто выбросил на снег пинком ноги. Так и простоял, сжимая руками одну рыбу и наступив ногой на вторую, пока те не перестали биться. Соблазн поесть рыбы пересилил, и я принялся разводить костер, благо лес начинался всего в десяти-двадцати шагах от заводи. И правда, куда спешить, все равно уже скоро дойду. Рыба получилась чрезвычайно вкусная, вторую я завернул в пакеты и убрал в рюкзак. Настроение стало близкое к эйфории, я решил передохнуть полчаса, наслаждаясь видом водопада.

Так, млея на солнышке, я посмотрел на свой пройденный путь. Он уходил к месту, где я нашел карабин и все остальное. Почему-то в первую очередь, подумалось именно о карабине, и тут же стало понятно почему. Примерно на середине пройденного пути, хорошо видимый на заснеженном склоне, из леса вышел медведь и стал внимательно изучать мои следы. Сделав для себя какие-то медвежьи выводы, он вразвалку пошел по ним, держась чуть правее. Ясно, это новая, весьма существенная угроза для меня. Опять в голове начинается вихрь разных мыслей, которые я, по обыкновению, начинаю сразу систематизировать, отбрасывая ненужное. В итоге понимаю, что это не Россия, где наши бурые медведи зимой спят, это американский гризли – смелый, сильный, коварный и умный, по животным меркам, зверь. Его вес – где-то полтонны, патронов всего четыре, стрелять издалека бесполезно. Придется подпускать почти вплотную, а там уж как Бог даст…

Теперь надо выбрать лучшую позицию для боя. Оглядываюсь. На первый взгляд ничего подходящего. Вода мне не помощник, ведь он умеет плавать, да и глубины тут для него по колено. Подходящего дерева, с которого можно прицельно стрелять, рядом нет. Между речушкой и опушкой леса стоит одинокая мощная лиственница, но, как назло, ни одной ветки, чтобы залезть. Чуть дальше, у излучины реки валяются два толстых бревна. Это, падая с водопадом, сломался почти пополам ствол и был вышвырнут водой на берег. Эврика! Стрелять буду из-за этих стволов, но надо, чтобы медведь немного задержался, а не бросился на меня сразу от дерева. Ему это два прыжка, а мне прицелиться надо, да еще в левый бок, где сердце. Срываю свой рюкзак, достаю рыбу, кладу в нескольких метрах от дерева. Еще через несколько метров раскладываю несколько рулончиков мяса. Если медведь захочет закусить перед обедом мной, я успею прицелиться.

Все, диспозиция выбрана, что можно предусмотрено. Загоняю оставшиеся три патрона в магазин, взвожу затвор. Медведь уже близко и, по всей видимости, слышит клацанье затвора, останавливается, встает на задние лапы и прямо смотрит на меня. Расстояние – метров сто-сто двадцать. Борюсь с желанием выстрелить сразу, но понимаю, что с такой дистанции попасть точно в сердце не получится. Гризли тем временем опустился на все четыре лапы и как ни в чем не бывало посеменил к лесу, голову держа повернутой ко мне.

Первой моей мыслью было, что он решил не связываться, знает, кто такой человек, уже слышал когда-то звук перезарядки оружия, может, даже пострадал от такой встречи с людьми, но выжил и теперь остерегается. Сижу,

все взвешиваю, колени замерзли на снегу, лезу в рюкзак, достаю что можно и подстилаю себе. Тем временем левый глаз фиксирует, что почти напротив меня в лесу, метрах в тридцати от опушки, закричала и взлетела какая-то крупная птица, либо сойка, либо галка, и, крича во все горло, перелетела на дерево чуть левее. Слышу хруст ветки, разворачиваю ствол. И вправду умный зверь, заходит с тыла, если он бросится с кустов позади меня, то до меня ему три прыжка, даже прицелиться не успею. Надо перелезать на другую сторону лежащих стволов, чтобы хоть карабин на весу не держать. Перелезаю, ложусь, ствол навожу на мысок леса у реки и вожу чуть правее, туда и обратно.

Подстилка осталась с другой стороны. Начинаю подмерзать, еще и нервы дают о себе знать. Время не засек, но примерно минут десять прошло, как я перелез на другую сторону бревен. Опять взлетает та же птица за моей спиной и орет – предупреждает… Холодный пот по всему телу, медведь возвращается, а я прямо перед ним, спиной к нему, карабин в другую сторону направлен. Бери и жри тепленького. Снова лезу на другую сторону, навожу на дерево, но при этом все время оборачиваюсь на кусты сзади. Птица не взлетает, сидит в чаще напротив и истошно кричит.

Хитрый медведь тоже взвешивает, как лучше напасть. Он меня из чащи хорошо чует, а может, даже и видит. На помощь прилетела еще одна птица, тоже орет, как первая. Мне полегче ориентироваться в передвижениях зверя. Гризли тоже это понимает. Внезапно почти напротив дерева с приманкой сбрасывает снег одна осинка, затем сразу другая, и со звуком ломающихся веток на открытое место выскакивает зверюга. Стрелять опять нельзя, хотя я и занимаю правильную позицию, но медведь выскочил так, что оказался прикрыт стволом лиственницы, и приближается, скрываясь за ним. Вот и думай теперь, есть у них разум или только рефлексы. Если с такой же скоростью выскочит из-за дерева, то я успею выстрелить всего один раз, потом перезарядить, и дальше, походу, уже ничего не успею. Так и происходит. Медведь на полном ходу выскакивает из-за дерева. До меня прыжок, от силы два. Вижу его наклоненную голову с налитыми кровью маленькими злыми глазами. Целюсь прямо в лоб, задним числом вспоминая какой-то рассказ, где говорилось о подобной ситуации, что пробить лоб медведя даже в упор почти невозможно. Поближе, еще поближе, тогда, может, удастся попасть в глаз. Все время целюсь. Как-то наискосок проносится мысль: «А вдруг осечка?» Гоню ее, целюсь, но глаз гризли скачет вместе с ним. Ну все, надо стрелять, будь что будет. Шансы мои почти нулевые, палец начинает давить на спусковой крючок. Вот-вот грянет… И в этот момент – о чудо! – у медведя срабатывает рефлекс. Запах еды! Совсем рядом с ним, с правой стороны, лежит свежая рыба. Гризли не может удержаться,

поворачивает сначала голову, а затем и сам делает шаг вправо. Видит поблескивающую на солнце чешую рыбы, делает еще шаг к ней, вытягивает морду в сторону мяса, видно, и его почуял, и тем самым шикарно подставляет мне свой левый бок.

Кабанов я на охоте стрелял – как целиться, чтобы попасть в сердце, знаю. Палец плавно дожимает крючок, приклад несильно бьет в плечо. Вижу отраженную чешуей рыбы вспышку от выстрела. Медведь оседает, но в следующий миг, громко рыча, встает на задние лапы и бросается ко мне. Я давно уже перезарядил карабин после первого выстрела и всаживаю ему еще одну пулю в сердце. Еще раз перезаряжаю. Медведь уже в шаге от меня, вижу его оскаленную пасть и стреляю прямо в нее. Позади гризли все пространство окрашивается в буро-красный цвет от разлетающихся брызг крови, серого вещества мозга, кусков шкуры и еще чего-то… Медведь закидывает голову далеко назад, из пасти у него вываливаются на всю длину окровавленный язык и кусок челюсти с премолярным зубом и огромным клыком. Гризли по-прежнему стоит передо мной и не издает ни звука, мертвая тишина, только стучит перезаряжаемый мной затвор, потом хруст снега, зверь оседает на задние лапы и еще через секунду заваливается вслед за откинутой головой на спину. Пара судорог, и он затихает. Радует, что он упал навзничь, ведь я прямо перед ним, и, упади он вперед, у меня было бы мало шансов отскочить, а в нем не меньше четырехсот килограммов. Еще дурацкая мысль, что мяса у меня теперь невпроворот. Гоню ее, в свое время читал об опасностях употребления мяса медведя.

Заливаюсь истеричным смехом. В конце концов я оказался умнее и остался жив, а он, такой хитрый, валяется дохлый. Хохот прошел, как и начался, в одно мгновенье, идти уже никуда не хочу. Решаю здесь и заночевать. Но в лесу, не дома. Выбрал место на той стороне реки, благо вода и мне оказалась по щиколотку, даже в унты не затекла. Натаскал дров, развел костер, постелил, как всегда, собрал свои приманки, поблагодарил Бога и без ужина уснул, понимая, что сегодня ночью туша медведя защищает меня от непрошеных зверей.

5. Берег

Утро пришло ко мне еще до восхода солнца. Темнота такая, хоть глаз коли, шум падающего водопада, тихое журчание воды, текущей в трех шагах от меня, ласковый, чуть прохладный ветерок… На часах сейчас шесть утра, да и по ощущениям столько же. Попытался поспать еще немного, но сон ушел. Мне тепло и уютно, и только мысли продолжают одолевать меня. Авиакатастрофа, как в кино, все время стоит перед глазами… Родственники, мама, наверно, уже знают о разбившемся самолете, ведь такие события быстро попадают в СМИ. Но надежда, что именно твой близкий смог выжить, есть всегда. Кстати, а почему я до сих пор не услышал вертолетов спасателей, ведь до позавчерашнего дня я был совсем рядом с местом крушения самолета? Может, они пролетели по ущелью, куда рухнули его останки, и поэтому я ничего не услышал? По моим подсчетам, я ушел от места аварии километров на двадцать. Лес, горы, тишина кругом. Должен был слышать, но нет. Может, не нашли еще место крушения, ведь я точно не знаю, как происходит диспетчерское сопровождение полетов, как они устанавливают точку гибели. Успел ли пилот сообщить о происходящем? Наверно, ищут еще. Надо развести костер, чтоб дым стал заметен, когда солнце встанет. Хотя если найдут самолет, то увидят и мои следы. Весь вчерашний день они были видны до самого горизонта, и на месте крушения должны были хорошо сохраниться. Снегопада еще не было, значит, если самолет найдут, то и меня через час обнаружат.

Выходит, правильно сделал, что не остался ждать спасателей. Их, может, еще пару дней не будет, а мне там без еды, спичек, теплой одежды, оружия, точно было бы не выжить. Странно, но именно благодаря этой дороге к морю я смог обрести все необходимое. Ведь я мог встретить зверей раньше, когда был еще без оружия. Тогда я бы точно стал их легкой добычей. Я невольно перевел взгляд на тушу медведя. Уверенность в правильности принятого мною решения идти к морю окончательно утвердилась в моем сознании. И одновременно с этой мыслью все вокруг посветлело, заискрилось, освещенное восходящим солнцем.

Развел костер, поел, напился чая. Бодр и свеж. Победы последних дней придают уверенность, бодрят, приятно лелеют самолюбие. Гордыня это. Все в руках Божьих. Перехожу обратно речку, отмечая про себя качество унтов: не промокают, не обмерзают, просто класс! Стою над медведем. Мне сейчас даже жаль его, но сам виноват. Мясо мне не нужно, шкуру выделывать я не умею, остается забрать у него клык и коготь. Зуб выбило пулей, взять его не составило труда, правда, вместе с куском десны и соседним зубом. Отламывать его не стал, не захотел возиться, просто завернул в тряпку и бросил в рюкзак вместе с вырезанным когтем, затем собрал все оставшиеся вещи и тронулся к морю. Мне осталось километров пятнадцать до видимого горизонта, а там, надеюсь,

недалеко и до моря.

Эти последние километры принесли смену погоды: ветер стал более свирепым и холодным, а к нему еще прибавился колючий мелкий снег. Брови, отросшая щетина и усы покрылись инеем, но в остальном неудобств не было. Куртка, штаны, унты, шапка, рукавицы и свитер хорошо грели меня, практически не пропуская холодный воздух. Я или в Канаде, или на Аляске. Разницы особо нет. Климат и тут, и там практически одинаковый. Перед вылетом в аэропорту показывали новости. Канаду и США я, конечно, не запомнил, а вот в Архангельске минус четыре по Цельсию, врезалось в память. До сегодняшнего дня и тут было примерно столько же, плюс-минус два-три градуса, но все решают вот такие изменения с резкими прорывами холодных арктических масс. Костер будет развести сложно на таком ветру, и прогорать он будет гораздо быстрее, и согревать меньше.

За этими мыслями я не заметил, что вышел к краю скалистого обрыва, внизу шумел океан. Под обрывом, метрах в двадцати, раскинулась достаточно широкая прибрежная полоса, как и моя дорога, полностью лишенная растительности, но с многочисленными скалами разной величины вдоль берега и хорошо укрытая снегом. Океан отчетливо не виден из-за снега, зато хорошо слышен. Я не моряк, квалифицировать буйство пучины не обучен, могу лишь предположить, что это маленький шторм.

Где-то неподалеку, слева от меня, слышен шум падающей воды от реки, которая так и бежала, то накрываясь льдом, то сбрасывая его, параллельным со мной курсом к морю. Заглядываю вниз. Там почти отвесная скала. Без специального снаряжения спуститься по такой будет невозможно. Но это не пугает, все равно где-то можно будет найти другой путь. Хуже, что погода стала такой отвратительной. Моя гряда скал, под которой я всегда ночевал и которая защищала мой тыл от ветров и зверей, закончилась, плавно сойдя на нет еще километра за три-четыре до обрыва. Негустой лес продолжил тянуться за мной к морю и остановился совсем неподалеку. Значит, дрова есть. Стою у обрыва, ветер со снегом обжигают лицо, неспокойное море выбрасывает белые от пены волны на каменистый берег. Видимость плохая, метров пятьдесят, но отчетливо разобрать можно не больше чем на двадцать. При таких вводных и не очень высокий обрыв смертельно опасен, даже если просто идти вдоль, подыскивая место для спуска. Наверно, надо устроить привал в лесу. Плетусь туда. И хочется на берег, и колется… Береженого Бог бережет. Примерно через сто шагов по чаще упираюсь в скалу. Отличное место для ночлега. Господь не

оставляет меня, дает укрытие. Обхожу каменный массив. Вот так удача! С другой стороны скала вытянулась как крыша над собственной площадкой с гротом. Повернув за скалу, я почувствовал, что ветер почти затих, снег стал кружиться и падать спокойно, кажется, даже потеплело. Звук журчащей воды, говорил о наличии источника. За входом в грот из скалы струится небольшой ручеек и стекает на другую сторону каменной площадки перед входом. Небольшая лагуна образовалась в нескольких метрах. Пар поднимается от воды по всей длине ее следования к озеру. Приседаю и опускаю руку в воду, она теплая. Ну прямо отель «пять звезд». Грот достаточно большой и глубокий, теплый и сухой. Запах и раскиданные кругом останки говорят, что пещера обитаема. Рассмотрев следы на замерзшей земле, понимаю: тут хозяйничает большой медведь. Ареал, обычно контролируемый медведями, гораздо больше, чем простерся до мертвого гризли. Выходит, по праву победителя я спокойно могу занять пещеру, ведь на одном охотничьем угодье два медведя не живут.

Дров кругом полно, развести костер прямо перед входом с приобретенными навыками не составило труда. Затем не спеша пожарил на углях рыбу, уложив ее на камень в центре костра, попил чай и стал готовиться ко сну. По обыкновению, натаскал ветки ельника, набросал толстый слой мха, в изобилии растущего вокруг, сверху, как простыню, расстелил часть тряпок, а остальными решил накрыться. Лег и почувствовал тепло от скалы. Ощупав руками, убедился, что не почудилось. Часть стены нагревается от того же термального источника. Перетащив свое ложе к самому теплому месту грота, я присел отдохнуть и задумался. Не знаю, чем я это заслужил, но мне точно помогают: сначала соседка, вытолкнувшая свою сумку вперед, затем расщелина в скале, спасшая меня от волков, да и в конце концов сами волки, давшие мне пищу и первую маленькую уверенность в своих силах. Потом погибший охотник, от которого я получил все, что необходимо для выживания в дикой природе. А встреча с гризли, прибавившая мне уверенность в себе? Ведь благодаря ей я сейчас обрел свой временный дом – скалу с гротом… Это, конечно же, Всевышний помогает мне. Спасибо тебе, Господи, что все именно так.

Сходил, подбросил больше дров в костер, присел и стал смотреть, как дым от костра, смешиваясь с паром воды, поднимается вверх. А ведь действительно, какой-то Божий промысел во всем случившемся со мной, безусловно, есть. Господи, к чему готовиться дальше? Озарение, на которое я надеялся и которого ждал, не наступило. Взамен пришло понимание, что всему свое время, не надо торопиться. Сейчас надо уснуть, утро вечера мудренее, все остальное завтра.

6. Сторожевик

Погода с каждым днем меняется, сегодня опять солнце, опять тепло, не холоднее пяти градусов мороза, только ветер стал маленько крепче: сказывалась близость моря. Быстро позавтракав волчатиной и запив чаем, я собрал все вещи и скорым шагом пошел к обрыву. Выйдя из леса, я отметил прекрасную видимость, которая поможет найти спуск к морю. Берег еще скрыт обрывом, но само море предстало передо мной во всей красе. Искристо-блестящую от солнца, почти повсеместно покрытую белыми бурунами пены серо-синюю даль нельзя назвать совершенно спокойной. Волны ровными рядами бегут с северо-запада и с шумом, по которому можно определить, что это крупные накаты, бьются о берег. Выйдя к обрыву, я визуально убедился в собственной правоте. Хоть волнение достаточно большое, но ровность ударов волн, легкий, без порывов ветер, солнце и безоблачное небо говорят, что непогода миновала. Ровный пляж через десяток метров от прибоя сменялся сначала редким, а ближе к скалам достаточно толстым слоем снега. Слева искрился и играл огнями радуги водопад знакомой речки, дополняя гул моря веселыми нотками падающей и струящейся воды. За водопадом берег становился крутым склоном сопки и резко уходил вверх, одновременно выдаваясь в море. Спуск с этой стороны на берег был невозможен. Справа же непрерывная гряда скал обрыва, наоборот, понижалась. Вдали виднелось большое количество камней и обломков, обвалившихся, вероятно, с крутого склона. Весь этот пейзаж упирается в огромные горы, покрытые редким лесом и снегом.

Ближайшая из них спускалась своим склоном к самому морю. Идти надо туда, если не по каменному распадку, то по горе спущусь на берег, а может, и вообще остановлюсь повыше, чтобы лучше видеть океан и проходящие мимо корабли. Чем я буду выше, тем заметнее будут мои знаки спасения – костер и дым.

Череда скал, торчащих вдоль берега моря, в этом направлении была гораздо чаще, и они казались более крупными, чем слева от меня, поэтому самого берега я почти не видел. Ну что же, выбор сделан, и я бодро зашагал вправо вдоль края обрыва. За каждой скалой открывался новый пляж, отличный от предыдущего. На одном несколько бревен выбросило на берег, назову его «бревенчатым», на другом длиннющая коса водорослей хитроумно разлеглась на берегу, поэтому назову его «волосы русалки». На следующем пляже расположились остатки какого-то плавучего средства, похожего на лодку или шлюпку, будет зваться

«шлюпочный затон». Все они со своими уникальными и неповторимыми узорами прибоя, лентой берега, камнями и скалами…

А вот и следующий пляж, на нем одна скала значительно ближе сдвинута к обрыву и совершенно лишена ласк волн при хорошей погоде. Вот выглядывает уже последняя, третья скала этого пляжа, чуть меньшего размера. До нее и будет этот новый пляж, имя которому «три скалы».

Как молния, выбиваясь из общей гаммы коричнево-синих красок, вспыхивает белый цвет с ослепительно ярким пятном над ним. Что это? Там, наверное, люди! Вперед, вперед, скорее к ним. Я бросился бежать, не спуская глаз с увиденного. Уже через несколько шагов из маленького пятнышка вырисовалась корма катера с трепыхающимся над ней звездно-полосатым флагом США. Радость захлестнула меня настолько, что я не обратил внимания на многие детали, главная из которых – катер, который стоит на суше, достаточно далеко от берега, да еще и за скалой от него.

Быстрей к людям, меня нашли, Всевышний помог мне, я все правильно сделал. Так, восхваляя Создателя за спасение, я добежал до предполагаемого спуска – распадка камней. Стена обрыва после обрушения создала множество ступеней, кромок и галерей, по которым нетрудно будет спуститься. Взгляд быстро наметил подходящий маршрут, и я начал спуск. Лазанье по карнизам оказалось не таким легким, как я думал, но меня уже ничего не могло остановить, я буквально летел на крыльях к спасительному катеру. Пара моментов, в которых я оказывался в миллиметре от падения, ничего уже не значили. Я спешил к людям. Две трети спуска позади. Не будь внизу множества камней, я бы уже рискнул спрыгнуть, но решил обойтись без экстрима, навалился на очередной карниз пузом и потихоньку стал сползать вниз, пытаясь нащупать опору ногами. Ее все не было, и я решил посмотреть, как далеко еще до очередной ступени. Недалеко, можно бы и спрыгнуть, но площадка подо мной очень узкая, велик риск не устоять. Вытянув руки, достаю до площадки. Ноги обрели опору, и я стал медленно поворачиваться на узкой площадке через левое плечо. Брошенный вниз взгляд мгновенно вычислил опасность – грязно-белого медведя, бегущего вдоль обрыва ко мне. Видимо, он давно меня уже наметил себе на обед, поскольку его следы ровной полосой тянутся в мою сторону откуда-то из-за скал.

Я стою уже метрах в трех от основания, но прыгать вниз опасно, как раз здесь множество острых камней. Залезть обратно, подтянуться, даже сбросив с себя все, будет тяжело. Здесь, на карнизе, он меня легко достанет, добежать ему

осталось метров пятьсот. А мне до катера метров сто. Ору что есть силы, пытаясь позвать на помощь. Понимаю, что тщетно, ведь люди же не выскочат сразу с ружьями, да и дистанция великовата для стрельбы по медведю, я это точно знаю, все уже проходил. Может, их и на корабле сейчас вообще нет.

Решение пришло само собой и мгновенно: мой карниз полого спускает влево, в сторону катера. Дальше он ровный, и там, в конце, под ним есть гладкая площадка без камней, покрытая, как матрас, снегом. Надо только перепрыгнуть через лежащий перед ней обломок с острыми краями. В итоге перепрыгнуть надо метра три, разбег не более четырех скачков, карниз узкий, но только он и есть путь к спасению. Молю Создателя о помощи и резко бросаюсь по тропе. Прыжок, полет, задеваю левой ногой острый край обломка, но понимаю уже, что долетел до мягкого снега. Даже не приседая после прыжка, бросаюсь к судну. Выскочив на ровную поверхность, успеваю разглядеть, что до медведя метров триста, но ему надо обежать камни. А у меня прямая дорога, да еще и вдвое короче. Несусь что есть сил, рюкзак сбросил, со мной только карабин с одним патроном. Оглядываться некогда, надо ориентироваться только по слуху. Если лапы станут скрипеть снегом совсем громко, значит, зверь рядом. Нужно броситься вперед с переворотом на спину, желательно еще и хоть немного в сторону, потом стрелять от живота.

Бегу, на ходу загоняю последний патрон в ствол и закрываю затвор. Кораблик уже близко, но и прыжки медведя стали громче. Ну что, падать и стрелять или бежать до последнего? Заметил на палубе вентиляционную трубу, с изгибом уходящую внутрь, пролезу ли? Кажется, пролезу. Одним прыжком заскакиваю на палубу, отмечая, что крен у катера приличный, с ходу подпрыгиваю и с разворотом, ухватившись левой рукой за верхний край трубы, забрасываю ноги внутрь, а в правой держу готовый карабин… Краем глаза замечаю, что медведь совсем близко – быстро заскочил на палубу, но пока внизу на четырех лапах. Понимаю, что рассчитывал догнать, но не вышло. Он тоже запрыгивает и, поднявшись во весь рост, пытается ударить меня лапой, чтобы сбить вниз, но я уже проваливаюсь в трубу, и лапа проходит в нескольких сантиметрах от моего лица. Соскальзываю по трубе вниз, чуть более высоты своего роста. Внутри трубы ноги находят опору. Карабин я крепко держу, но внизу, а мне надо выставить его вверх. Узковато, протаскиваю его с большим трудом.

Медведь подходит к отверстию, хорошо слышу его дыхание. Он оказался даже выше, чем казался, вижу его грудь, но сердце с другой ее стороны. И тут он решает напасть. Склонив голову за край трубы, он просовывает лапу. Она почти

достает до меня, а главное, не дает мне просунуть карабин дальше и упереть в плечо. Боюсь, зацепит ствол и вытащит. Но длина лапы почти на пределе, до меня не достает самую малость. Я отчетливо вижу его когти, шерсть, черные подушки на обратной стороне. Он тянется ею, я приседаю, до боли упираясь коленями в трубу, дальше вниз некуда, а до меня уже пара сантиметров. Я слышу скрежет когтей прямо у себя под носом. Вот уже и первое касание, он тоже почувствовал и заработал лапой еще интенсивнее, когти больно бьют меня по голове, но пока все вскользь. Поняв, что не достает, он меняет тактику, вытаскивает лапу и начинает яростно ломать и бить трубу. Пара вмятин почти достают мне до головы, а следующая больно ударяет меня в ногу, труба качается, трещит, но пока выдерживает натиск. Подустав с попытками сломать мое укрытие или просто решив взглянуть жертве в глаза, он снова поднимается на задних лапах, наклоняет голову и почти целиком просовывает ее в трубу. Это его ошибка, я жду ее и не упущу. Курок плавно спускается, рванув отдачей, грохотом и пламенем выстрела. Затылок медведя разлетается на части, обдавая всю трубу и меня в том числе теплыми брызгами крови, соплей, мозгов. Рычание моментально прерывается. Тихонько посвистывает ветер, извиваясь в трубе. Отлипнув от стенки трубы, мне на руку падает выбитый пулей клык. То, что еще недавно было мордой медведя, начинает медленно двигаться от меня обратно к краю трубы и в последний момент резко срывается вниз. Туша с шумом падает на палубу. Медведь мертв и даже уже не агонизирует.

Выбравшись из трубы, я первым делом осмотрел медведя. Мертвее не бывает. Остатки его головы и часть туловища лежат на палубе, зацепившись за ограждение, все остальное свисло вниз, за борт. Одного толчка ноги хватило, и туша окончательно свалилась вниз. Брызги от простреленной головы в основном разлетелись за бортом, но на пестрой гальке сильно не видны. Кровь от основания трубы тянется тонкой струйкой к борту и стекает вниз. Надо бы вымыть до прихода хозяев судна.

Взглянув на свою левую руку, вижу зажатый в ней клык с маленьким свежим сколом от пули. Открываю затвор, достаю гильзу – разрывная, походу. Так вынести мозги в обоих случаях с медведями могли только разрывные пули, но теперь уже все равно, все позади, а вот патронов больше нет.

Все из пережитого мгновенно отступает. Я же на корабле, люди где-то рядом, наверное, слышали выстрел, скоро вернутся. Осматриваюсь, нахожусь на левой палубе, неподалеку от входа в рубку. Заперта? Тяну – открывается. И – о Боже… – сразу же натыкаюсь на тело лежащего на полу человека, одетого в

военный бушлат, штаны со множеством карманов и высокие берцы. Быстро нагнувшись, убеждаюсь, что любая помощь давно уже опоздала. Он холоден, как скала, по которой я спускался, ран и крови нет. Переворачиваю тело. На вид ему можно дать лет тридцать пять – сорок. Подтянутый, высокий, с правильными южно-европейскими чертами лица, с застывшим удивлением на нем. Перевожу взгляд дальше: приборная доска горит разными огоньками, что-то на ней мигает красным. Зажигание осталось включенным. На полу рядом с военным валяется автомат, в кобуре пистолет. К кожаной скамье в глубине рубки приставлен ручной пулемет с болтающейся лентой крупных патронов. «Что-то здесь не так…» – отмечаю я, пародируя песню Розенбаума. Гадать можно сколь угодно, но необходимо выяснить, есть ли кто живой поблизости. Бросаюсь на корму, никого не видно, только турель со снятым пулеметом и заваленная стреляными гильзами палуба. На носу тоже никого, пулемет на месте, гильз не видно. Бегу к каютам. Все вроде бы стоит на своих местах: посуда, кастрюли, ноутбук на столе. Ощущение абсолютного спокойствия, никакого намека на суету, борьбу, опасность… Спускаюсь еще ниже, в моторный отсек. Также ничего подозрительного, только горят разноцветные индикаторы в электрощитах, да ярко моргает красным приборная доска над двигателем. Ничего не выключено, не обесточено… Подхожу к приборам, нажимаю самый крупный тумблер вниз, большинство лампочек сразу гаснет.

На катере что-то произошло, и произошло очень быстро, но что именно? Зажигание не выключено, значит, катер уже без живых людей выбросило на берег, поэтому он и оказался за скалой. Перед глазами разворачивается картина: катер на полном ходу идет с северо-востока на юго-запад. Нос под острым углом врезается в гальку пляжа и легко скользит по ней метров на пятнадцать за скалу. С шумом разлетающейся гальки из воды появляется гребной винт, крутящийся на больших оборотах. Он и забрасывает корму далеко на берег, катя ее как колесо. Катер выравнивается строго параллельно берегу и благодаря оставшейся инерции движения весь помещается за скалу. Скала с широким козырьком почти полностью скрывает кораблик и сверху, и с моря от посторонних глаз.

Да, наверное, именно так и было, вопрос только в том, что кто-то мог остаться в живых и, возможно, лежит неподалеку, нуждаясь в помощи. Быстро спускаюсь на берег и начинаю обследовать все вокруг, но тщетно: вокруг судна никого нет. Возвращаюсь на корабль, вытаскиваю все содержимое из карманов погибшего офицера, включая документы на имя Мартина Мигеля, и складываю на стол в рубке. Внимание мое привлекает судовой журнал, но в нем все записи на английском, я не так хорошо владею им, чтобы с ходу прочитать, но со временем

обязательно разберусь, хоть и понимаю, что не будет особой пользы. Датированных октябрем записей в журнале нет, а в сентябре, судя по одной-двум строчкам напротив десятка дат, ничего выдающегося не произошло, простое патрулирование побережья, без происшествий. Еще раз обхожу весь катер, заглядывая во все уголки, шкафчики и каюты. У меня теперь под рукой большой арсенал различного оружия начиная от пистолетов и кончая двумя ручными пулеметами, несколько гранат, много военной одежды, огромный холодильник с продуктами, газовая плита, много всякого инструмента. Зачем, Господи, ты все это мне дал? Отбрасываю все мысли, остановившись на одной аксиоме: «Неисповедимы пути Господни, придет время, и все откроется».

Проведя первичный осмотр судна, я подвел итог: катером управляли четверо военнослужащих, один из них, старший офицер, лежит сейчас в рубке. Единственный смартфон, который я смог найти, оказался с полностью севшим аккумулятором. Рация неизвестно как работает, я пытался включить, но результата так и не достиг.

Ранений, крови, следов побоища ни на корабле, ни на теле мертвого моряка нет. С другой стороны, множество патронов расстреляно и гильзы валяются на палубе. По всей видимости, мне даже не стоит сейчас напрягаться, либо все откроется и разъяснится со временем, либо навсегда останется тайной.

Я зашел в каюту погибшего офицера, ничего примечательного, даже фотографий никаких нет, ведь на таком катере сутками в походы не ходят. Утром ушел в море, вечером вернулся. А вот отопление и от двигателя, с охлаждающей жидкостью по трубам, и от газовой печки, когда мотор не работает, предусмотрено. И это меня искренне радует. Ночевать буду здесь. Принес сброшенный до прыжка со скалы рюкзак, все оружие тоже стащил в каюту. Сейчас похороню, как полагается, офицера, а там займусь дальнейшим обследованием. Нашел в одном из шкафов белоснежную простыню, подтащил тело к середине рубки и завернул в нее. Снимать ничего не стал, пусть лежит как смерть застала. Обвязал его капроновой бечевкой, взвалил на плечо и понес к обрыву. Все как с погибшим охотником: засыпал галькой, завалил камнями, сверху закидал снегом, воткнул палку, прихваченную с катера. Надгробие напишу завтра.

Перед спуском в каюту зашел в рубку и отключил верхний щиток, повернув и вытащив ключ зажигания. Собрался уходить, как вдруг мое внимание привлек провод, уходящий от гнезда зарядки вверх к краю ветрового стекла.

Регистратор, почти такой же, как в автомобиле. Вот и разгадка всего произошедшего. Просмотрю, во всем разберусь, а в чем не разберусь, то логически домыслю. Приборчик отстегнулся легко, я перевел его из записи в просмотр. Слава Богу, работает и полностью заряжен.

Проходя кают-компанию, взял с собой краюху хлеба и питьевой йогурт. Очень хотелось еще взять и виски, но решил с этим повременить, пока не пойму, что к чему.

7. Трагедия на море

Подключив регистратор к компьютеру проводом, который нашел в столе, и выбрав в меню последнюю запись, нажимаю на «PLAY».

Девятое октября, почти три часа дня. Вижу нос катера, стоящего у причала, сквозь шум работающего мотора с трудом пробивается чья-то речь. Что-то похожее на короткие команды. Впереди небольшой поселок, зажатый чередой гор справа и слева. Ничего необычного. Смущают темные пятна на набережной. Тюлени, что ли, спать на мостовую выбрались? С ближайшей к пирсу улицы выбегают двое людей, женщина в спортивном костюме без теплой одежды несется, что-то крича на ходу. Разобрать невозможно: далеко и шум двигателя мешает. Чуть позади мужчина ловко и красиво бежит за ней. Чувствуется, что легко мог бы обогнать, но нет, бежит позади, прикрывая тыл подруги. Раздается громкоговоритель с катера, в переводе на русский:

– Тома, быстрей, быстрей, они уже рядом!

– Майкл, прибавь ходу!

На улице, с которой они выбежали на набережную, заметно движение, но что именно там происходит, непонятно. Что-то темное в небе пока лишь тенью начинает вплывать в кадр.

Внезапно Майкл на полном ходу летит на землю как подкошенный, и женщина вслед за ним. Выстрелов совершенно нет. Оба тела, перевернувшись пару раз,

застывают на месте. Крови и ран не видно. Не добежали метров пятьдесят. Тревожно все, я очень переживал за них.

Нос катера резко начинает двигаться назад по отношению к пирсу, крутой разворот с креном влево, даже мне в регистраторе чувствуется, что это фол на самом краю от переворота. На секунду застыв, катер начинает двигаться вперед все быстрее и быстрее, набегающие волны, брызги, рев мотора на максимальных оборотах. Виден мыс берега слева, катер несется, огибая его. Яхта с тремя людьми на борту проносится слева и исчезает позади. Впереди только море, остров справа и берег слева. Судно быстро миновало пролив, и остров исчез с экрана, дальше видны только берег и вода. Полчаса примерно на экране ничего не меняется, кроме бегущей ленты берега. Даже становится скучновато. Я начинаю предполагать, что же такое могло произойти с бегущими людьми, почему они не добежали, почему катер так резко сорвался, даже не пытаясь помочь упавшим, куда он сейчас так несется. Мои раздумья прерывает резкий крик, заглушающий все другие звуки. Кто-то из моряков указывает направление и дает дистанцию:

– Восток-юго-восток, чуть больше мили, – моего английского пока хватает.

Через несколько мгновений раздается первая пулеметная очередь, затем еще и еще. Стреляет мастер. За раз не более четырех пуль, но, если за ними охотится воздушное судно, стрелять надо очередями гораздо длиннее.

Много разных слов, которые матросы кричат друг другу, я уже ничего не понимаю, просто отчаянно переживаю за экипаж, вцепившись намертво в край стола. Первый голос опять повышается до самого громкого звука, и я отчетливо понимаю, что слева от берега на расстоянии полумили на них движется другой агрессор. Пулемет тем временем резко затихает. Внезапно в кадре появляется моряк, бегущий по правой палубе, а за ним еще один с двумя ящиками патронов. Они добегают до пулемета, первый открывает затвор, второй ловко вставляет ленту и захлопывает его, стрелок уже взвел… Чувствуется хорошая армейская выучка.

– Ну дай им, дай им по полной! – не сдерживаясь, ору я, будучи фактически втянутым в бой.

Раздается всего один выстрел, всего один, и оба моряка валятся по разные стороны от пулемета. Никаких ран, брызг крови, тела даже не отбросило от попадания в них пуль, а должно было отшвырнуть далеко. На воздушных судах пулеметы большого калибра, попади из такого в человека, его бы отбросило на метр как минимум. А тут просто упали как подкошенные. Непонятно мне все это, отчего я начинаю сильно нервничать. На долю секунды в верхней части экрана успеваю заметить что-то напоминающее брюхо самолета, окутанное голубоватым свечением с двумя необычайно яркими кругами такого же голубого цвета. Сопла двигателей, может, но почему снизу? В следующий миг все исчезает. Мельком просматриваю предыдущие записи: та же бухта, тот же городок, зажатый с обеих сторон горами, тот же нос катера, пирс со множеством людей, море. Все это датировано сентябрем, но ответов или хоть каких-либо подсказок о произошедшем в последней съемке нет. Обычные будни морских пограничников акватории: несколько раз приближаются к различным судам, рыболовецким шхунам, переговариваются с ними по громкой связи или по рации, ничего объясняющего или проливающего свет на увиденные мной события, наполненные напряжением и трагизмом, нет.

Закончив смотреть, я пытаюсь осмыслить увиденное: что же это? Мелкий региональный конфликт, мафиозные разборки, наркомафия? Пулеметы, убийства людей, а главное, самолеты или вертолеты… Пожалуй, крутовато это для всего перечисленного. В сознании рождается лишь один приемлемый ответ: это небольшой эпизод боевых действий.

Но кто мог рискнуть схлестнуться со Штатами в военном противостоянии? Неужели моя Родина? Вряд ли. Возможностей победить нет никаких, впрочем, вспомнив кадры с пронесшимся над катером воздушным судном в голубом сиянии и со странным свечением двигателей, увязав это со словами президента о наличии в России новейшего, не имеющего аналогов в мире оружия, допускаю, что это могло случиться. Тяжело, конечно, поверить, что российская промышленность смогла создать что-то поистине передовое, но факт: двигатели на воздушном судне – это что-то совершенно новое в авиастроении. С этими тяжелыми мыслями я разлегся на постели и, попросив Бога, чтобы все это оказалось неправдой, заснул тревожным сном.

8. Катер

Утро выдалось не такое солнечное, как вчера, но такое же теплое. Я встал, прошел в корабельный туалет, малюсенький и неудобный, умылся. Вода не замерзла в трубах, а за прошедшую ночь я еще прогрел все внутреннее помещение, оставив двери в каютах открытыми. Впрочем, и так печка давала тепло в три стороны: в обе каюты и в кубрик кают-компании. Из моторного отсека не тянуло холодом, там тоже сохранилась плюсовая температура. Странный запах захлестнул меня, когда я проходил у приоткрытого иллюминатора. Что же так пахнет? Ну да, конечно, это знакомый с детства запах грозы, запах наполненного озоном воздуха, кислорода, выделившегося за счет разрядов молний. Мне стало очень легко, мышцы налились силой, взгляд стал острее… Утро пришло ко мне с зарядом бодрости и энергии. Странно, ведь грозы ночью не было, да и сейчас она даже не намечается. Кучерявые облака медленно плывут по небу, но не сгущаются, а солнце весело проблескивает в широких просветах между ними. Поднявшись на палубу, я подошел к поручням на корме. Отсюда уже виден узкий край морского прибоя с прилегающими к нему скалами. Направление ветра поменялось, и теперь он вместе с гонимыми им волнами летел ко мне почти точно с востока, может, немного с юго-востока. На палубе было свежо и ветрено. Я повернулся для спуска в каюты, и в этот момент меня вновь обдало запахом грозы, затем снова запахом моря и вновь порывом с крепким, хорошо отличимым от прочего ароматом озона. Мне это не кажется странным, ведь ветер сейчас почти параллелен берегу. Видно, на востоке есть место, где гораздо теплее, там прошла гроза, и ее запахи принесло сюда. Спустившись вниз, я первым делом отправился в моторный отсек. Надо обследовать двигатель и прочее оборудование. Как и полагается у военных, в помещении все убрано и разложено по ранжиру: масла и прочие банки аккуратно выстроились в сеточном коробе слева от входа, многие даже не вскрыты. Оно и понятно, ведь катер почти новый. Инструмент сложен в два больших ящика на колесиках, задвинут под верстак с тисками и небольшим сверлильным станком, крепкие резиновые ремни стянули их в одно целое, устойчивое при любой качке сооружение. Мотор с синим блоком и серебристой головкой надраен до блеска, щиток приборов глядит на мир десятком указательных приборов, ощетинившись множеством однотипных тумблеров, один из которых, самый верхний, по-царски расположился рядом с красной кнопкой – индикатором включения стартера, как самый главный над всеми. По количеству форсунок я определил: двенадцатицилиндровый рядный двигатель на десять кубов, может, чуть больше, количество электроники огромное, наверно, с частично отключаемыми цилиндрами и прочими наворотами. Судя по всему, все вполне исправно, но, чтобы завести, необходимо отключить трансмиссию, – связь с заклинившим в гальке винтом.

Как это устройство выглядит на малых катерах, я знал. Простой рычаг, обычно расположенный у борта лодки рядом со штурвалом. А как здесь, я понятия не имел! Разгадка оказалась в щитке рядом с надписью на английском языке «трансмиссия». Он светился желтым неброским индикатором рядом с рычагом, похожим на рубильник.

– Вот то, что ищу, – произнес я вслух и опустил рубильник. Зашипев, как змея, сработало реле в распределительном ящике неподалеку. Толстая муфта позади двигателя напряглась, в ней что-то пару раз щелкнуло, повернулось, и, как мне показалось, двигатель слегла осел, освободившись от нагрузки.

– Электропривод, выходит, тоже цел, – отметил я вслух. Стоящий впереди движка радиатор, весь в железных вентиляционных рукавах, с навешенным рядом расширительным баком, наполненным красным антифризом, уверил меня, что охлаждение ведется не забортной морской водой, а значит, можно запускать.

Я поднял «старший» тумблер вверх, но ничего не произошло, даже ни одной лампочки не загорелось. Продумано отлично: пока капитан сам не включит своим ключом зажигание в рубке, матрос завести двигатель не сможет. Я поднялся наверх, вставил ключ, все огоньки и приборы на панели ожили. Прихватив документы погибшего, опять спускаюсь в моторный отсек, смело подхожу к двигателю и, как заправский моторист, нажимаю на кнопку стартера. Слегка накренившись от вращения, двигатель мгновенно, как и полагается дизелю, завелся, наполнив помещение ровным рокотом. Пускай поработает с полчаса, протопит помещение получше, а главное, добавит мне спокойствия и уверенности, гулом своей работы напоминая человеческий мир, звуки которого уже подзабылись. Баки, как я заметил на приборах, полностью заполнены. Наверху сразу запустился электромотор вытяжки и повернулись шторки жалюзи, открывая путь воздуху. По застывшим следам крови и черным полоскам, оставленным подошвами моих унт, я сразу опознал место моего укрытия от медведя. На секунду все напряжение того момента вернулось, но не захватило. После увиденного в регистраторе все произошедшее со мной ранее кажется абсолютной мелочью.

Предстояло еще несколько неотложных дел, первое из которых – сделать надпись на надгробии и установить его на могиле капитана. Из скрученного куска оцинкованной жести я вырезал небольшой прямоугольник, кисточкой и краской, копируя с документов по одной букве, вывел имя «Мигель Мартин»

и годы жизни погибшего. Из досок сделал крест, скрепив его шурупами, и установил на могиле, произнеся молитву «За упокой» в своей интерпретации, как мог. После этой грустной процедуры я пошел к катеру, размышляя о том, что уже второй встреченный мною после катастрофы человек оказался мертвым. А что, если предположение о возникшем конфликте между РФ и США верное? Страшно представить, какой может быть реакция американцев на меня. Поверят ли они моей правде или сразу пустят в расход, как шпиона? Ветерок в очередной раз обдал меня порывом, наполненным запахом озона. Целый день, что ли, у них здесь такое? У себя в России, я помню, грозы весьма редко порождают ощутимый озон в воздухе, а здесь, видно, по-другому все.

Почти спустившись в кубрик, внезапно почувствовал совершенно неведомое мне до этого ощущение напряженности. Это чувство так давно не посещало меня, что я не мог разобраться, что именно происходит, а главное, не знал, как реагировать. Может, все-таки кто-то остался жив и ему нужна помощь? Надо возобновить поиски и еще раз обежать все пляжи побережья. Прислушавшись к себе, постарался понять возникшее чувство, почему-то казалось, что кто-то зовет на помощь. Не опуская рук, прочесывая все более далекие места на побережье, я и не заметил, как ветер поменялся, принеся с собой непогоду с северо-запада. Волны выросли вдвое, небо покрылось плотными облаками, пошел мелкий колючий снег. Необходимо было вернуться. Если разыграется шторм, неизвестно, как поведет себя катер, не смоет ли его обратно в пучину. Надо приготовиться к эвакуации, ведь гребной винт на судне совершенно неисправен, и оставаться с ним в море во время шторма подобно смерти.

Ускорив шаг, я вернулся и поднялся на палубу, тело убитого медведя развалилось рядом на гальке, неестественно согнувшись от падения. А ведь его останки, хоть и замерзшие, могут привлечь других хищников. Надо бы как-то от них избавиться. Сдвинуть его с места мне одному не по силам, но решение есть. Я, кажется, видел на катере бензопилу. Разрежу и выброшу тушу по частям в море, а пока надо не забывать всегда брать с собой автомат. Карабин, конечно, полегче, но патронов к нему нет. Нацепленный мной еще ночью с офицерской кобурой пистолет «Глок» для зверя не более чем слону дробина.

Рассуждая так, я вошел в рубку, которую, кстати, меньше всего обследовал. Ну, вот и займусь этим сейчас. Облазив все ящики, ничего интересного не нашел. Множество печатных журналов с инструкциями к различным устройствам, но все бесполезные, на английском языке, немного инструментов, два мощных бинокля, цифровой прибор ночного видения без аккумулятора, открытая пачка бумаги,

пара новых пустых журналов, ручки, карандаши, вот, пожалуй, и все, что удалось обнаружить. Рация у верхней кромки окна впередсмотрящего исправно включается. Отчетливо слышу треск и сопутствующие звуки эфира, но передать свои призывы о помощи, включить в нужной последовательности двенадцать тумблеров, имеющихся на ней, у меня не получается. Не выходит у меня и выловить чужие переговоры или хоть какую-нибудь радиостанцию. Несмотря на то что я сообразил, как меняются три диапазона волн на ней, услышать что-либо, а тем более передать я оказался не в состоянии. Полная тишина эфира в ответ на все мои потуги. После тщетных усилий занялся разглядыванием местных окрестностей в бинокль. Сгущающиеся сумерки не лучшее время для этого, но я увлекся. Из рубки видно лишь край берега со скалами, перекрывающими почти весь обзор, и синеву океана на всю мощь приближения бинокля. Чтобы посмотреть в северную и восточную стороны от берега, я спустился на землю и обошел скалу со стороны носа корабля: передо мной открылась акватория с двумя небольшими островами, левый из которых виднелся в каких-то неестественных очертаниях, поскольку был дальше. Остров справа от меня был скалист и явно необитаем.

На самом краю пространства на севере едва видимы очертания арктических льдов. На востоке различим еще один остров, в сумерках почти сливающийся с океаном в одно целое, на своей дальней оконечности.

Возвращаясь на катер, я нос к носу столкнулся с песцом, пытающимся оторвать кусок замерзшего мозга медведя, но дело у него не спорилось. Шкура оттянулась уже более чем, но кусок вкусного мозга так и не отрывается. Он рычит, злится, упирается всеми лапами и совсем не видит меня, вышедшего прямо к нему вдоль борта. Наконец увидел, от испуга взвизгнул и прыгнул не в сторону от меня, а вертикально вверх, ударился о нависающий борт, вновь издал громкий звук и только потом сообразил, что надо валить. Метров через десять стремительного бега голод останавливает его, и он решает дождаться удачи, разворачивается, уставившись на меня.

– Смешной какой, ну, получи награду за поднятие моего настроения, – нагибаюсь, чтобы поднять его толику добычи, и, оторвав кусок черепа с замерзшим мозгом, кидаю ему. В руках остался длинный кусок медвежьей шкуры. Кстати, он мне и нужен, все мои трофеи естественные, настоящие, и ни на какой капроновой веревке они висеть не будут! Этим я и прозанимался почти весь оставшийся вечер. Замочил в морской воде, смешанной с виски, кусок шкуры для дубления, спустился в мастерскую и, выбрав нужные сверла,

аккуратно просверлил четыре когтя и клыка своих врагов. Подождал еще часок, потратив время на сытный ужин с хлебом и полюбившейся волчатиной, вытащил из раствора шкуру, очистил ее бритвой в туалете с обеих сторон. Когда она подсохла, ровненько обрезал, превратив в кожаную тесемку, и симметрично нанизал на нее все свои трофеи. Ожерелье готово.

С чувством выполненного долга уснул, поблагодарив Бога за помощь и за новые ощущения, хорошо запомненные мной. Засыпая, я уже знал, что скоро встречу людей, но они не спасут меня. Их души полны отчаяния и боли, они сами нуждаются в помощи.

II. Экспансия

9. Встреча

Далеко за полночь меня подняло неведомое раньше понимание, что надо идти на берег. Там люди, им нужна моя помощь. Прихватив автомат, я налегке пошел по отчетливо понятному мне маршруту. Луна не проглядывала сквозь облака, было темно и совсем не холодно, ветер опять гнал на меня потоки воздуха с востока, насыщенные все тем же запахом послегрозового озона.

Миновав пару скал, я оказался почти напротив распадка, по которому спускался недавно к морю. Что-то остановило меня.

«Люди приплывут именно сюда», – как данность возникло понимание в моей голове. Они не знают, что их ждет, они измотаны, голодны, им хочется пить, но главное, у них в душах отчаянье и страх. Это все появилось в моем сознании и запечатлелось, как хорошо усвоенный урок в школе, хотя мне его никто не преподавал. Моря не видно, только слышно. Берег, судя по шелесту гальки, метрах в десяти от меня. Больше никаких звуков, но я слышу слова людей. Они все взаимосвязаны, разговаривают три человека, не могу понять слов, но вот все стало на свои места – это разговор на английском языке. Разговаривают две женщины и мужчина. Внезапно смысл их беседы становится мне абсолютно

ясен. Странно, я, что, обрел знания иностранного языка? События не позволяют мне разобраться с происходящим внутри меня.

Одна из женщин говорит, что надо убрать парус, берег уже должен быть близко, можно наскочить на скалу и разбиться, другая возражает:

– Не убирай, Сэм, лучше разобьемся, чем окажемся как на ладони перед убийцами, когда рассветет. Бери не хочу. Ты этого хочешь, Мария?

Та, кого назвали Марией:

– Мы же разобьемся, хоть скорость давай погасим, тут везде скалы. Держи лопату, просто держи поперечно движению, она сама затормозит ход.

– Так?

– Правильно, Николь, ты молодец.

– Сэм, возьми руль правее, мне кажется, я слышу звук прибоя прямо по курсу, чтобы хоть чуть-чуть вскользь удалось причалить, – обратилась Мария к третьему попутчику.

Я прислушался, оторвавшись от их разговора, но никаких звуков, кроме шума прибоя, не услышал. Потянулся пощупать свой лоб: часом не заболел ли, не брежу… И в этот момент справа из-за скалы выскочила белая яхта на полном ходу, с наполненным ветром парусом пересекла оставшееся расстояние и с грохотом врезалась в скалу у самой береговой кромки. Скрежет, крики, хруст ломающейся древесины, мачта валится вперед, бьется о скалу и ломается на несколько частей, парус накрывает весь нос небольшой яхты, под ним кто-то орет и бьется, пытаясь освободиться.

Подскакиваю к борту, вижу ужас в глазах молодой девушки, пытающейся перелезть через поручни. Понимаю, что для нее я «бес из табакерки». Кричу им всем, перекрывая все шумы:

– Не бойтесь, я здесь тоже после крушения, успокойтесь, вы на берегу!

Девушка замирает в стопоре, но пересиливает испуг и кричит:

– Что орешь как потерпевший, так и заикой можно стать, – на чистом русском и совершенно по-русски орет она на меня в ответ, выставив в мою сторону указательный палец, как дуло пистолета, затем оглядывается на вылезшую из-под паруса подругу. Та, внимательно вглядываясь в меня, говорит что-то ей на английском, но мне ясно каждое слово:

– Представь, он мой соотечественник.

– Да уж, встретились два одиночества. Узнай сразу: он женат?

Наконец первая, что посветлей, перелезает через борт. Я подскакиваю и подхватываю, чтоб помочь спуститься. Вторая сверху кричит подруге, чтоб не позволяла:

– Дай ему по рукам, не успели приплыть, а он уже руки распускает.

Мы все дружно хохочем, причем так долго, что мне становится ясно: таким образом они освобождаются от стресса.

– Ты русский? Откуда ты здесь, откуда? – подойдя в плотную, сыплет блондинка вопросами и от нетерпения в ожидании ответа стучит меня кулачками в грудь.

– Объясню, все потом объясню, сейчас давай спасать всех.

– А никого больше нет. Я, Николь и, вот, Сэм, – указывает она на спрыгнувшего с яхты худого высокого белобрысого парня, потом переходит на английский, разъясняя все спутникам; и они начинают здороваться, тряся мне руку и называя свои имена.

– Матвей, из Москвы, из России, – представляюсь я, пожимая протянутые руки в ответ.

Они начинают бойко обсуждать что-то между собой. Понимаю лишь некоторые слова. Знание языка куда-то улетучилось, но я уже смекнул, что не надо вслушиваться в речь.

С самого начала изучения английского языка в школе у меня была характерная особенность: я не мог разделять слова в быстрой речи, все сливалось. Бывало, ничего не понимая, прошу написать на бумаге, и выходит, что все слова я знаю, но произнесенные вслух не могу разделить, а значит, понять.

Пытаюсь абстрагироваться от звуков их голосов, и мгновенно все становится ясно как белый день. Звуки их разговора как бы отодвинулись на дальний план, стали для меня незаметны, еле-еле слышимыми; зато смысл стал отчетливо понятен до мельчайших деталей, потому что я не только все понимаю, но часть и вижу, как происходившее при мне. Так передо мной предстал их путь к суше, начатый с наступлением темноты от восточного острова, они радовались, что доплыли.

Наговорившись, они замолкли, как по команде, обняли меня со всех сторон, крепко прильнули и заплакали, все трое, уткнувшись в меня. Мне стало настолько тяжело, я уже чувствовал, что мир с момента крушения самолета стал совсем другим, произошло что-то страшное, непоправимое, понимаемое моим сознанием как жуткое предчувствие чего-то страшного.

Боль и их, и моя собственная слилась в одно невероятно тяжелое чувство, и я постарался отторгнуть все от себя, представляя, как закрываю глаза и ничего не вижу. Мгновенно все исчезло, мы молча стояли на берегу, обнимая друг друга, плакали и радовались, что живы, что встретились. Все пронесшееся у меня перед глазами я списал на усталость и игру воображения, разбушевавшегося от радости встречи с людьми. Нас вернули к действительности скрежет и звуки ломающихся досок яхты, ее стягивало с берега, разламывая одновременно о скалу. В носовую пробоину с шумом захлестывала вода, но она еще держалась на плаву. Надолго ли? Сэм, о чем-то крича, бросился на палубу. Мария объяснила, что он хочет забрать компас и бинокль, фонарик и винчестер, больше на яхте ничего нет, из порта они вышли на морскую прогулку, рассчитывая поплавать часа три-четыре. Я остановил его:

– Если дело только в этом, то не стоит рисковать, в моем укрытии все есть.

Мария громко перевела ему, Сэм послушался, вернулся, и мы пошли к моему пристанищу. Шли попарно, негромко переговариваясь. Николь спросила у Сэма, как я понял, бывал ли он в этой части побережья раньше, от городка ведь недалеко, на это он ответил, что несколько раз проплывал и что до их поселка

отсюда более пятидесяти морских миль. Мария поведала мне, что она из России, из города Воронежа, приехала восемь лет назад по приглашению старшего брата, ставшего американцем после брака с девушкой из США, и до сих пор учится.

– Двоечница, второгодница? – попробовал пошутить я.

– Нет, уже второй институт, и, наверно, будет еще и третий. Учиться интересно, когда втянешься и начинаешь разбираться в предмете. Я закончила биологический, теперь учусь на биохимика, и еще мне очень интересна тема биоинженерии и искусственного разума на основе биохимических процессов, – улыбнувшись моей шутке, ответила Мария. Так, за разговорами мы подошли к катеру, и я широким жестом пригласил:

– Прошу проходить. Ты у меня на корабле, впрочем, он совсем даже и не мой. Я летел в Сан-Диего к родственникам, попал в авиакатастрофу, выжил… – попытался в свою очередь поведать свою историю я, но Мария остановила меня, приложив палец к губам:

– Расскажешь позже, им ведь тоже интересно. А я буду переводчиком, – указала она на спутников позади нас. Мы подошли, я запрыгнул на борт и повернулся к Марии, чтоб подать руку, но в этот момент она увидела медведя, развернулась и бросилась к отставшим немного друзьям с криком:

– Медведь, медведь! – те тоже развернулись и побежали бы впереди нее, но запутались все трое и упали в снег. Я громко и спокойно произнес:

– Мертвый он, не бойтесь, идем на корабль, в каюту, – Сэм и Николь, не понимая мою русскую речь, пытались еще встать и бежать дальше, но Мария остановила, переведя им мои слова. Они поднялись, медленно-медленно приблизились к медведю и молча застыли, не доходя до него.

– Он накинулся и ты сам его убил? – вразнобой на разных языках, но одновременно спросили они.

Я кивнул в ответ и показал для пущей убедительности автомат. Гордость и уверенность яркими огоньками засветились в их глазах:

– Нас теперь четверо, и с нами человек, сумевший один на один победить медведя, – донеслось до меня, хоть в воздухе и висела напряженная тишина.

Поднявшись на палубу, гости наконец прошли в натопленную кают-компанию. Тепло и еда очень даже кстати поддержали их, заставили хоть ненадолго забыть пережитое, а когда я поведал им под почти синхронный перевод Марии свою историю, они вообще-то сначала засомневались. Тогда, сняв с шеи свое ожерелье, я протянул его им. Они долго крутили его, передавая друг другу, что-то обсуждали, потом протянули мне обратно с видом глубокого удивления и уважения одновременно. Выставив на стол вино и виски, я стал разливать напитки, чтоб взбодрить ребят. Настала очередь их рассказа. Ясно, что он будет жестким, но мне и не представлялось насколько.

Первым стал рассказывать Сэм, он говорил спокойно поначалу, но чем дальше, тем заметней становилась его нервозность, порой он закрывал глаза и замолкал, сам, наверное, сомневаясь в правдоподобности изложенного. Николь молча слушала, изредка шепотом подсказывая нужные слова. Мария переводила, стараясь не пропустить ни слова, изредка дополняя своими ремарками.

Погуляв на университетской вечеринке в субботу восьмого октября, они втроем решили продолжить на следующий день приятное времяпровождение прогулкой по морю на яхте, принадлежащей родителям Сэма. К ним хотел было присоединиться четвертый их товарищ, но в последний момент у него что-то не сложилось, и он еще в конце вечеринки отказался. Встретиться договорились в десять утра на причале. Конечно же, все немного проспали, так что отшвартоваться получилось лишь в двенадцать, это было нестрашно, поскольку кататься собирались не более трех часов.

Ничего не предвещало беды, ясная погода, надувающий парус легкий ветер, волнение на море минимальное для этого времени года, несколько яхт и катеров уже бороздят бухту, вспенивая воду белыми барашками за кормой. Подойдя к левому бую на входе в бухту, они спустили парус и решили попить кофе в каюте. Для фона включили первую попавшуюся радиостанцию на стареньком приемнике. Оказалось, это была радиостанция канадского города Инувик. Шла обычная воскресно-развлекательная программа. Кофе был вкусный, к нему еще и прилагались булочки, собственноручно испеченные Николь. Обсуждали свои университетские дела, прошедшую вечеринку… Внезапно радиоприемник смолк, и через минуту, заполненную громким треском, возобновил вещание, совершенно изменив тональность:

– Внимание! Внимание всем! – заговорил совершенно другим голосом диктор. Твердо и жестко он говорил, как чеканил: – В связи с последними событиями в мире в стране введено чрезвычайное положение. Всем военнослужащим, сотрудникам полиции и силовых ведомств надлежит прибыть на места службы согласно мобилизационным предписаниям. Всем воздушным судам экстренно совершить посадку в ближайшем аэропорту. Все морские суда должны зайти в ближайшие порты, при невозможности этого следует укрыться в подходящих местах вдоль береговой линии. Население просим укрыться в домах, станциях метро, в помещениях железной дороги или просто в ближайших зданиях. Дальнейшие сообщения будут транслироваться в эфир по мере поступления информации, но не реже чем каждые полчаса. Просим сохранять спокойствие и самообладание, – передача закончилась и включился щелкающий, наподобие метронома, звук, подтверждающий работу радиостанции. Следующий диктор включился через несколько минут, его срывающийся на фальцет голос указывал на прямую трансляцию, он говорил, как говорят друг с другом люди дома, на улице, в магазине, споря или ругаясь. Тревога и волнение слышалась в каждом его слове:

– Мы не обладаем полной информацией о происходящем, но с окончания вчерашнего дня начали поступать тревожные, нет, катастрофические сообщения из Японии, Китая, Кореи, а чуть спустя и из Индии и России. Что именно произошло, кроме того, что на эти страны кем-то совершено нападение, и сейчас еще не ясно. Запросы с нашей стороны к правительствам, общественным организациям, просто к корпорациям и фирмам по радиосвязи, через сотовых операторов, через социальные сети и по спутниковым каналам связи не принесли никаких результатов. В настоящее время все радиостанции этих и соседних с ними стран не отвечают, в эфире полная тишина над всей юго-восточной, центральной Азией и Россией.

Далее Сэм рассказал, как он быстро выбежал на палубу, поднял парус и, ведя судно галсами, постарался взять направление к пристани, видневшейся в километре от них, но яхта плохо слушалась, парус то опадал, то вновь наполнялся ветром. Чтобы развернуться, ему пришлось выдвинуться к самому краю бухты, уйдя за буи. Разворот получался лишь влево, причем по траектории, чреватой аварией у отмели мыса; и он направил яхту еще дальше в море. Девушки выскочили на палубу за ним и застыли, наблюдая за приближающимся берегом, у самого края которого удалось заложить, наконец, левый разворот. Проскочат или нет, оставалось неясным до последнего, но ветер помог им, став попутным, он рванул парус, и яхта, кренясь, убрала-таки лишние метры радиуса

разворота и обошла самое опасное место. Когда яхта выдвинулась к бухте, их взору открылась картина, граничащая с апокалипсисом.

Сверху из-за гор на город спланировали два плоских невиданных раннее объекта с вырывающимися ярко-синими языками пламени и сразу пошли с двух сторон к стоящему на приколе тральщику, единственному военному кораблю в порту. Он успел дать пару выстрелов из чего-то крупного, потом залился длинными очередями нескольких зенитных пулеметов. Видно было, как развернулась стойка с двумя ракетами на носу корабля, но вместо пуска корабль вспыхнул сам и, тут же, задымившись черными клубами, буквально повалился, как раненый боец, на сторону от причала. Через минуту его уже невозможно было разглядеть за чернотой и копотью гари, только верхушки мачт с поперечинами рей оставались торчать над дымом, как кресты на кладбище. Объекты спланировали еще на старую крепость неподалеку от порта, подожгли ее, развернулись, показав свою тарелкообразную форму в проекции снизу, и застыли, повиснув над причалами. Город притих, повисла глухая тишина, чуть подождала и резко сменилась громким обстрелом горожанами летательных аппаратов из ручного оружия. Кто-то даже пустил в них стингер пару раз, но все это, как и, по-видимому, снаряды с тральщика, не долетая до тарелок, взрывалось, словно налетев на стену, не причиняя им никакого вреда. Из-за гор появились еще два корабля, совершенно не похожих на первые, треугольной формы и также зависли над городом. От них потянулись конусовидные лучи в сторону города, наподобие прожекторов, но не яркие и не освещающие, а как бы прощупывающие, сканирующие. Два первых корабля медленно двинулись в глубь города. И в этот момент из-за гор выскочили два самолета. Сэм тут же узнал в них F-16. Один из них резко спикировал и, не упуская достигнутой неожиданности, открыл огонь по тарелкообразному кораблю из пулеметов, выпустил ракету. Оба прибывших последними аппарата резко пошли вверх по вертикальной траектории, пытаясь, видимо, избежать боя. Один из них оказался прямо на пути снарядов, летящих от самолета к тарелке. Сэм прямо зажегся, повествуя об этом, он рассказал, как треугольный корабль накренился и что он видел, как кромсали его бок разрывы, а справа от него взорвалась, будто наткнувшись на преграду, не долетевшая до тарелки ракета. Явно пострадавший от атак с двух сторон, инопланетянин застыл и пошел вниз, но это не было падением, Сэм подобрал такие слова:

– Он жестко приземлился, не упал, а, явно поврежденный, жестко сел перед пирсом. Пламени и дыма не было, но и голубое свечение прекратилось.

Дальше Сэм поведал мне, что истребитель, развернувшись над морем, пошел на висящую над пирсом тарелку, но атака была отбита. Все выпущенные ракеты, не долетев до цели, взорвались, и в момент вспышки заряда Сэму показалось, что он видит сбоку, как огонь освещает сетку, будто натянутую перед тарелкой, которая сразу исчезала, как только вспышка теряла первоначальную яркость. Вторая тарелка тем временем резанула по истребителю, атаковавшему первым, почти невидимым лучом, и он, развалившись на несколько частей, упал в воды бухты. Произошедшее со вторым истребителем Сэм даже толком не увидел, наблюдая за гибелью первого.

– Мы с девчонками внимательно всматривались в волны, чтобы попробовать подобрать пилота, если он вынырнет, поскольку куски самолета свалились у самого мыса, который мы как раз старались обогнуть. Второй самолет появился у нас из-за спины слева уже горящим, летчик пытался приземлить его на воду, но пришедшие невесть откуда на помощь первым еще четыре тарелки атаковали его, и он взорвался в воздухе, развалившись на множество мелких частей. Переведя взгляд на берег, я увидел, – весь дрожа, словно в лихорадке, продолжил Сэм, – как из города в сторону поврежденного инопланетянина выбежала группа людей, собираясь продолжить атаку на земле, но все они, не успев даже выстрелить, повалились по очереди на набережную и больше не шевелились. Потом к месту посадки пострадавшего корабля со стороны моря подлетел огромный, размером с крупный линкор, летательный аппарат и завис над ним. Через несколько мгновений пострадавший корабль поднялся и влетел в открывшийся шлюз, впрочем, может, и был поднят большим кораблем, разобрать было невозможно, – Сэм налил себе воды в виски, сел за стол и продолжил, отпив пару глотков. Мария синхронно переводила:

– Оставшийся один, треугольный корабль выдвинулся вперед и продолжил сканировать своими ничего не освещающими лучами все пространство города перед ним, а из тарелок выгрузилось по десятку существ, издалека похожих на людей, пожалуй, только пониже и с более массивной головой, каким-то прибором на груди, соединенным шлангом с небольшой маской до глаз на лице. Все были одеты в серо-зеленую одежду.

Расположившись по нескольку существ в ряд, они двинулись по трем улицам, ведущим из порта в поселок. Треугольный корабль медленно полетел вперед, сопровождая десант пришельцев. Стрельба по инопланетянам начала стихать, стихать и прекратилась вообще.

– Я не глядел на часы, – продолжил Сэм, – но, кажется, на все про все пришельцы потратили не более двадцати минут, поскольку яхта, развернувшись, так и не успела обогнуть мыс, а лишь продвинулась на самый край отмели, выступающей от берега метров на пятьдесят. В это время от крайнего причала задним ходом резко отвалил сторожевой катер и, развернувшись, пошел прямо к нам, – Сэм показал руками, как корабли стали сближаться:

– Катер прошел метрах в семи от нашей яхты, на палубу выскочил капитан-пограничник и стал громко кричать нам, чтоб мы срочно уходили, чтоб ни в коем случае не пользовались рацией, телефонами, а причалив, шли в горы… Он пытался еще донести до нас то, что командование, по-видимому, успело сообщить ему, но было уже не слышно, катер быстро удалялся, обходя ближайший остров слева. Мы быстро продолжили разворот по кругу и выдвинулись еще дальше в море. Город предстал перед нами сначала с кормы, потом с левого борта, отдалившись еще на полкилометра. Корабль пришельцев остановился у дальнего края городка и, развернувшись, медленно пошел назад, к порту. Из боковых плоскостей у него выдвинулись отсеки наподобие круглых шлюзов с гофрированными переходами, что значительно увеличило его визуальные размеры.

Мы застыли в ожидании дальнейшего. Поначалу ничего не происходило, но вот появилось что-то бесформенное и, поднявшись, влетело в один из шлюзов, затем еще и еще. Николь сбегала в каюту, где мы оставили бинокль, и, всмотревшись через него, закричала:

– Это люди, это люди! – и уже совсем тихо добавила: – Это мертвые люди.

– Яхта тем временем, – продолжил Сэм, – зашла за высокую часть мыса, и поселок, в котором мы жили еще сегодня, исчез с наших глаз. Я выровнял курс параллельно берегу и пошел правее острова. Когда мы обогнули остров, взору нашему предстала картина: уходящий вдалеке на запад катер и выскочивший из-за острова немного раньше нас тарелкообразный корабль пришельцев, устремившийся вслед за ним. Катер скрылся за следующим островом, и что с ним произошло, осталось скрыто от нас; мы только слышали пулеметную стрельбу, потом все стихло. Теперь, выслушав твой рассказ, – обратился он ко мне, – мы все знаем.

– Двигаясь с максимальной для парусного судна скоростью, мы доплыли до дальнего края острова, за которым скрылся катер, перед нами открылась совершенно обычная панорама моря – без корабля пришельцев и следов его присутствия, только вдали продолжал свое стремительное движение на запад почти не видимый уже катер. Мы с девушками решили уйти от города подальше на запад и там уже высадиться на берег. Что делать в такой ситуации, мы не представляли. Обшарив все ящики на яхте, мы собрали еды не более чем на трое суток, а из оружия – два ножа, ракетницу с тремя патронами и заряженный винчестер.

Когда стемнело, мы причалили к небольшому островку, на котором однажды, давно-давно, отдыхал Сэм с родителями и потому знал о глубоком гроте, где можно было спрятать яхту. События и впечатления прошедшего дня сморили нас, как только мы закрепили яхту в пещере. Девочки уснули почти сразу, а я еще долго ворочался с боку на бок вспоминая все произошедшее, но в конце концов сон пришел и ко мне, Сэм отпил еще несколько глотков и повернулся к иллюминатору, всматриваясь в начинающий проглядывать в предрассветной пелене берег:

– Дальше все просто, проснувшись часов в девять, решили провести визуальную разведку, понимая, что охота на людей не закончилась. Я с Николь, взяв бинокль, поднялся на самую высокую часть острова и стал осматривать окрестности. Почти сразу нашему взору предстала гибель большой яхты под канадским флагом, которую догнала летающая тарелка. Она уничтожила корабль, как до этого уничтожила тральщик в порту, только на сей раз мы заметили, как луч бледного света полосонул по ней, и яхта вспыхнула. Люди в спасательных жилетах стали прыгать в море. Тарелка развернулась и пошла на северо-восток. Николь подкрутила бинокль на максимальное приближение и долго смотрела ей вслед, чтоб попытаться спасти уцелевших, когда агрессор исчезнет вдали. Но вскоре к месту гибели яхты подлетел знакомый корабль треугольной формы и, выставив всего один шлюз, собрал с поверхности моря тела людей. Видя, как они беспорядочно крутятся от потоков восходящего воздуха и ветра, не меняя своих статичных поз, мы поняли, что все они мертвы. Через минуту, забрав свой страшный груз, треугольник улетел в сторону суши.

Уже ближе к вечеру пролетел один большой сигарообразный корабль, медленно двигающийся вдоль берега, чуть севернее нашего острова. За ним ровным строем шло несколько кораблей сопровождения значительно меньшего размера, которые периодически отлетали из строя то к одному острову, то к другому, то

вообще вылетали на берег, и всегда вперед летела тарелка, а за ней треугольный корабль. Из чего мы с Николь сделали вывод: тарелка – боевой корабль, а треугольник – сборщик мертвых тел. Зачем им тела людей, которые они столь тщательно собирают, мы не знаем. Большой корабль, безусловно, выявлял оставшихся в живых людей. Поняв это, мы с Николь очень испугались и быстро спустились в пещеру внутри скалы к яхте. Отсидевшись там более часа, мы уже все вместе выбрались наверх и убедились, что опасность миновала. Таким образом, стало понятно, что скалы и горы защищают нас. Весь оставшийся день и всю ночь, чередуясь по двое, мы вылезали наверх, стараясь понять, какое время суток самое безопасное для прорыва на берег и в горы.

Наутро в грот заплыл небольшой морской котик, и я, несмотря на слезы обеих девушек, убил его: пищи на яхте почти не оставалось. Может, и зря, – продолжил Сэм, – есть его все равно никто не стал, мясо жутко отдавало рыбьим жиром, а может, просто не голодны были.

Утром на общем совете решили не плыть наобум, а последить за происходящим еще денек, так и поступили. В итоге стало ясно, что пришельцы активны днем, ночами мы их не наблюдали. Перед стартом обсудили маршрут: к берегу приставать рано, еще очень недалеко отошли от городка, где инопланетяне могли устроить свою базу, как нам казалось. И еще: километрах в двадцати восточнее был остров, на котором я тоже бывал в студенческом походе и тоже с хорошо спрятанной пещерой в одном из заливов.

Отплыв ночью, мы уже часов через семь с первыми проблесками утра достигли острова. По дороге выловили удочками три крупные рыбины, не считая мелочи. Весь день дежурили на высоком берегу острова, два раза видели пролетающие тарелки, один раз в бинокль засекли спуск с неба двух крупных летательных аппаратов, где-то в районе соседнего с нашим городка, километрах в сорока на восток. Сегодня в половине первого ночи отправились на материк. Прибыли и здесь встретили тебя, что нас всех ждет дальше, неизвестно никому, – закончил Сэм свое повествование. Мария тоже смолкла и сидела, склонив голову, всем видом показывая, что так же не знает, что делать, по щекам ее катились слезы. Николь уткнулась в плечо Сэма и молча рыдала, вспоминая пережитое. В иллюминаторе появились первые проблески наступающего дня.

– Все, заканчивайте рыдать, у этих созданий жалости все равно нет, лучше злитесь, так легче будет, – прервал я нависшую тревожную тишину и добавил:

– Думаю, ты неправ, Сэм. Как минимум одному все известно. Бог все знает, как знает и то, что будет дальше и с нами, и со всеми людьми. Он любит нас, а значит, не даст исчезнуть навсегда, надо просто подождать, понять, что он нам говорит, – ровным голосом, пытаясь ободрить, подытожил я и перешел к обыденным вопросам:

– Нам необходимо установить дежурства, сегодня моя смена, поскольку поспал все же полночи и пережил меньше вашего.

Подойдя к холодильнику, я достал еще бутылку виски и, поставив стаканы перед каждым, налил по половине:

– Надо выпить. Станет легче, и вы уснете, – все подняли бокалы и, не чокаясь, выпили залпом. Получилось, что мы помянули всех погибших, и, как бы продолжая эту мысль, Мария, разлив остатки всем, протянула руку со стаканом к центру стола, уверенно произнеся:

– Теперь за нас, живых. Пусть удача, сила и победа в конце концов окажутся на нашей стороне, – все, как по команде, выбросили вперед руки со стаканами. Виски выплеснулся через край в бокалы соседей, как бы подтверждая, что жизни наши теперь смешаны вместе. Мы разом выпили за это.

Проводив их до постелей, я оделся, взял автомат и направился в рубку, оттуда просматривается берег, но все же место для обзора не лучшее.

10. Вероломство

Рассмотрев ситуацию с учетом всего услышанного, я сделал несколько выводов, главный из которых заключался в необходимости соблюдения осторожности и безопасности. Если раньше надо было казаться заметнее на берегу, то теперь, наоборот, маскировка и скрытность должны стать нашими приоритетами. Катер, хоть и удачно спрятанный за скалой, мало отвечает этим целям. Рано или поздно его заметят. Надо или перепрятывать его в прибрежный грот, или оставлять и перебираться в другое, более укромное место. Комфорт проживания на нем не соизмерим с опасностью. Как один из вариантов в голову пришло: скала с

пещерой – вот что отвечает этим требованиям. Каменное убежище, конечно, лишено многих удобств проживания, в сравнении с катером, но гораздо безопаснее; хотя… Если у инопланетян есть навыки следопытов или программное обеспечение приборов по этой тематике, то найти нас по следам на снегу не составит труда. Одна надежда на метели, заметающие все следы.

Рассуждая так, я короткими перебежками между скал обошел ближайшую территорию берега, но ничего подходящего для укрытия не нашел.

«Может, и к лучшему, берег моря теперь терял свою притягательность, надо двигаться в глубь континента, в горы. Подготовиться хорошенько и уходить», – подвел итог я. Вернувшись на катер, зашел в рубку, взгляд упал на рацию.

«Прямо Бог упас выйти в эфир. Конечно, пришельцы отслеживают эфир, засекают и действуют соответственно. Почему они столь беспощадны к людям, почему не пытаются даже разговаривать? Наверно, мы не все знаем. Наверно, такие переговоры ведутся. А может, и боевые действия идут полным ходом. Их преимущества перед людьми безусловны, но ведь смог же истребитель повредить их корабль. У США большие возможности, а тем более в альянсе со всеми государствами они смогут противостоять. Господи, помоги нам. Ты же любишь нас, свое творенье», – так, рассуждая, я сел на скамью у задней стенки рубки и включил электрообогреватель рядом на стене. Шел первый час дня. В голову нахлынули насущные мысли: «Сегодня же провести ревизию продуктов, решить что-то с тушей медведя, проверить аккумуляторы и, если необходимо, завести следующей ночью двигатель для подзарядки. Впрочем, все эти “надо” – сущие мелочи по сравнению с главным, – продолжил я ход своих размышлений, – главное, определиться в основных координатах: где жить и что делать? Я теперь не один, и это большой плюс, но и ответственность теперь не только за себя. Ребята молодые, жизненного опыта мало. Разница в возрасте хоть и небольшая, но есть, и это в данных обстоятельствах представляется весьма существенным. Безусловно, где-то поблизости есть еще люди, но как их найти без связи, без шума выстрелов, в условиях, когда разумнее всего прятаться? Север Канады, Аляска и так мало обитаемы. Но пытаться искать надо, – взгляд еще раз остановился на рации: – А если просто слушать? По логике вещей, прослушивание обнаружить невозможно, но надо обсудить это с Сэмом, он по специальности электромеханик, вроде бы».

Рассуждая про себя об этих проблемах, я привалился к поручню диванчика, расстегнул свою куртку «Аляску», поскольку в рубке стало тепло от

обогревателя, и решил навести окончательный порядок в голове: что делать сначала, что позже, чему отдать приоритет, а что можно и на потом оставить. Почти бессонная ночь давала о себе знать, клонило в сон. Этим «потугам» надо дать отпор, ведь теперь необходимо все время быть начеку; но, если честно, совершенно ясно ведь: прилети они сейчас, ничего изменить будет нельзя, хоть спи, хоть нет. Однако ударить в грязь лицом, оказаться спящим перед проснувшимися ребятами абсолютно непозволительно. Взяв в руку бинокль, приладил его на край дивана так, что выскользнувший прибор дернет ремешком за шею и разбудит меня немедленно.

Устроившись так, потихоньку начал систематизировать все, что касалось перебазирования с катера. Самое основное – выбрать: начать движение на юг или до окончания зимы оставаться где-то в подходящем месте в ожидании весеннего тепла. Этот вопрос первостепенный, надо взвесить все «за» и «против». Очень малое количество вводных данных не позволяло сделать быстрый выбор. Необходимо разбить проблему на составные части и попробовать разрешить сначала их.

То, что вообще произошло, окончательно вырисовалось из рассказа ребят и не могло быть воспринято иначе, чем вторжение на Землю чужой цивилизации. Было ли оказано сопротивление людьми, идут ли боевые действия, где сейчас основные силы врага? На эти вопросы ответов у меня не было, а ведь это и есть отправное знание, чтоб принять правильное решение.

Что-то промелькнуло у края лобового стекла сверху-налево-вниз. Небольшая стая чаек спланировала, по-видимому, к туше медведя. Через стенки рубки были слышны их гортанные крики. Внезапно все звуки усилились, порыв холодного воздуха через открывшуюся дверь донес их до меня. Я посмотрел на силуэт Сэма, как показалось, который, проснувшись, пришел ко мне и оторопел. Передо мной в открытом проеме двери стоял капитан-пограничник.

«Наверно, уснул, как ни пытался бодрствовать», – промелькнуло в голове. Собрал все силы, чтоб сбросить оцепенение сна, но не смог освободиться. Рука по-прежнему сжимала бинокль. Отпустив его, почувствовал рывок на шее, но и это не стало триггером для пробуждения. Моряк сделал шаг внутрь помещения, сквозь его субстанцию проглядывались белая дверь в проеме и скала на заднем плане. Он был полупрозрачен, при этом сам тоже отчетливо виден. Посмертная бледность, как запомнилось мне, сменилась смуглостью южанина с приятным румянцем на щеках. Он поднял руку к плечу, повернув ее ладонью ко мне, и не

то спросил, не то утвердительно произнес:

– Узнал? – странно, как и вчера на берегу я слышал чужую речь, хоть рот пограничника не открывался, а в рубке стояла полная тишина.

– Меня послали кое-что объяснить тебе, поскольку сам ты еще не осознаешь всего. Все встанет на свои места позже, а пока просто выслушай. На Землю совершено нападение с целью захвата жизненного пространства, кто эти существа, мне неизвестно, но они безжалостно будут уничтожать людей по ряду причин, – я попытался привстать и спросить. Но он оборвал:

– Слышу твои вопросы, как и ты мои слова, но не отвечу тебе, скажу лишь то, что просили передать, и это будет касаться в основном только военной стороны событий, – не меняя позы, пограничник продолжил:

– Восьмого октября, через семь часов после взлета твоего самолета, в атмосферу Земли в районе Гавайских островов вошли более четырех сотен летательных аппаратов инопланетян. Они сразу уничтожили базу США на островах, потратив на это не более двадцати минут, и, разделившись на две группы, начали свою атаку на землян, двигаясь справа и слева от тридцатой параллели северного полушария, все время стараясь находиться в лучах восходящего солнца.

Япония, застигнутая врасплох, практически в течение часа перестала существовать как государство, а от населения остались единицы.

За ней, не успев оказать должного сопротивления, перестал существовать Китай, за исключением небольших групп людей в Гималаях и на Памире. То же самое произошло и с Дальним Востоком России, всеми странами Центральной и Южной Азии, включая Индию и Пакистан, – в этом месте он вытянул указательный палец на поднятой руке, как бы заставляя напрячь мое внимание, но я и так был весь на взводе.

– К этому моменту некоторая информация об их военном потенциале, возможностях и перемещениях уже начала поступать военным, хотя и медленней, чем было необходимо. Орбитальные спутники один за другим исчезали с экранов радаров, а радиостанции и сотовые сети переставали поддерживать связь по мере продвижения пришельцев. Однако с орбиты Земли успели поступить сведения о присутствии в ближайшем космосе еще примерно

такой же флотилии спутников разной величины, которые периодически группами до десяти кораблей продолжают входить в земную атмосферу.

Их боевые машины имеют в основном тарелкообразную форму. В арсенале у них в первую очередь задействовано лазерное оружие, в боевом состоянии они генерируют защитный экран, и сбить на тот момент не удалось ни одного. Для сухопутных войск и населения опасность представляют крупные сигарообразные корабли, следующие во втором и третьем эшелоне. Оружие, которым они обладают, позволяет обнаруживать и уничтожать людей на расстоянии до двух миль без причинения видимых повреждений. Раненых и выживших нет.

В совокупности превосходств в скорости, оружии, защитного экрана, внезапности вторжения пришельцы предстали для многих людей этакими полубогами, бороться с которыми невозможно. Началась паника, зазвучали коллаборационистские речи о необходимости сдаться, чтобы выжить. И получилось, что к моменту появления инопланетян над европейской частью России и над Израилем в бой с ними вступили лишь российские ПВО и авиация на севере, объединившись с небольшим отрядом самолетов НАТО, базировавшихся в Прибалтике, и части ЦАХАЛ Израиля совместно с 6-м Флотом США на юге. Пара центрально-европейских стран по всем каналам вещали о снисхождении, о готовности принять капитуляцию на любых условиях инопланетян в надежде быть услышанной ими. Более прагматичные из европейцев садились в самолеты и, уповая на военную мощь США, вылетали через океан, – фантом капитана продолжал стоять в нескольких метрах от меня и транслировать, словно передатчик, информацию прямо мне в мозг, где я усваивал ее в виде прямого виденья картин происходящего, сопровождаемых озвученным текстом, как в документальном кино, и эти панорамы были страшны. Офицер, а вернее, его образ понял это, скорей всего, по моему виду и остановил свое повествование, давая мне успокоиться. Через минуту он продолжил:

– В итоге вступившие в бой российские летчики остались почти в одиночестве. Надо быть благодарными им, потому что именно они, отдавая свои жизни, перед тем как погибнуть, успевали сообщать все мелочи происходящего. Так они первые поняли и успели сообщить, что только скоординированный пуск нескольких ракет, поддержанный еще и простыми снарядами, способен проломить защиту летательных аппаратов пришельцев, и, главное, защита может быть выставлена не более чем на 180 градусов. Чем она шире развернута, тем легче пробиваема.

Российские ракеты ПВО оказались малоэффективны, поскольку как ни пытались офицеры, но так и не добились координированных с авиацией пусков. Да и вообще, их установки быстро обнаруживали, ослепляли встречным излучением и уничтожали повсеместно. Первые две тарелки были сбиты запоздавшими из-за дозаправки самолетами НАТО с американской базы в Прибалтике. Они резко спланировали сверху на тарелки в самый напряженный момент боя с российскими пилотами. Так открылось, что защитный экран выставляется только в одном направлении. Как величайшую победу воспринял мир известие о первых сбитых машинах пришельцев, мгновенно распространились фотографии гибели их кораблей и мертвых инопланетян. Но силы были не равны. Учитывая размеры театра боевых действий, бой продолжался более двух часов. Потеряв с десяток кораблей, пришельцам удалось вывести из строя всю ПВО над европейской частью России и большинство их военных самолетов. Ахиллесовой пятой авиации землян стала заправка горючим. В отличие от наших, инопланетным кораблям, казалось, не требовалось топливо вообще. Они просто зависали над аэродромами, и оттуда уже никто не взлетал.

К моменту начала сражения на Ближнем Востоке аналитики уже смогли выработать некоторые рекомендации для военных, и битва над Средиземноморьем началась. Используя естественное начально-разделенное дислоцирование, наши пилоты применили одновременные атаки с нескольких сторон, что первоначально принесло значительный эффект, но пришельцы быстро перестроились и стали атаковать большими группами. Это в совокупности с большим численным перевесом и остальными преимуществами быстро изменило картину боя. В отношении ПВО союзников надо отметить, что, по-видимому, из-за технологических отличий они оказались гораздо более эффективными, чем российские, и смогли еще долго бороться, когда самолеты уже не поднимались в небо. Все закончилось через пару часов, но потери инопланетян оказались выше, чем в небе над Россией. Они потеряли 26 боевых тарелок и один большой сигарообразный корабль, занимавшийся борьбой с сухопутными целями.

Конечно, в первую очередь победы пришельцев были обоснованы большим техническим превосходством, но не сбрасываем со счетов внезапность и во многом вытекающую из нее разобщенность действий землян, – подвел промежуточный итог капитан.

– Ты присядь, присядь, боец, в ногах правды нет, – попробовал перехватить инициативу я, чтобы задать некоторые вопросы, но он остановил:

– Все вопросы потом, тем более что ответов у меня нет. При жизни я знал об этих событиях меньше, чем знаешь сейчас ты, и говорю тебе только то, что поручено.

– Итак, обе группировки инопланетян хоть и понесли потери, но в конце концов добились своей цели – противостояние над всей Евразией было сломлено. Непосредственно Европа не оказала почти никакого сопротивления и была уничтожена менее чем за два часа, за небольшим исключением укрывшихся в горах и успевших улететь. Впрочем, среди последних оказалось мало спасшихся. Большинство самолетов было уничтожено в воздухе. Но вернемся к событиям того дня. Единственная и ужасная полезная информация от европейских стран: пришельцы собирают каким-то неведомым способом тела убитых ими людей в корабли треугольной формы и куда-то увозят, – моряк укоризненно посмотрел и тем остановил следующий мой вопрос, на который у него ответа не было. Затем продолжил:

– Далее две воздушные флотилии инопланетян пошли параллельными курсами к берегам США вдоль той же 30-й параллели Северного полушария, и вот тут, надо отдать должное европейцам, они, насколько возможно, сумели сгруппировать свои морские и воздушные силы и дать отчаянный бой пришельцам. Они дрались настолько самоотверженно, что смогли задержать вражескую эскадру еще на два часа, дав возможность военным США максимально подготовиться к атаке. Они сражались без малейшей надежды уцелеть, просто отдавали свои жизни в помощь братьям и в надежде, что хоть кто-то выживет, впрочем, так же поступали и россияне, израильтяне, прибалтийцы… Так же поступили бы и те, кто вследствие скоротечности событий просто не успел сразиться с врагом, – далее пограничник поведал мне все военные события заключительных моментов этого и следующего роковых для людей дней.

Вся информация, получаемая от него, сразу представала перед глазами, как реально видимая мной, будто я был свидетелем и очевидцем, причем видел все то из кабины самолета, то просто паря рядом, то с земли, и даже, как мне показалось, из вражеского иллюминатора в космосе:

– Пока южная группировка пришельцев довершала расправу над кораблями в Атлантике, северная группа вошла в небо Канады, что дало возможность атаковать ее максимальными силами с двух сторон. США послали до ста самолетов одновременно, и Канада почти столько же. Бой был неправдоподобно грандиозен. Летчики, уяснив тактику боя, разработанную буквально час назад

спецами, умудрились настолько четко воплотить ее в жизнь, что ряды инопланетян задымились многочисленными факелами горящих кораблей. Наши пилоты смогли, постоянно перестраиваясь, создавать ударные группы с соседями то справа, то слева, успевали дать одновременный залп по конкретной мишени, рассыпались по одиночке и вновь собирались, уже в другом составе, против следующей цели. Опять давали скоординированный залп и рассредоточивались, чтоб собраться уже в другом месте, в новом составе, – в глазах у меня рябило, как от кадров на широченном экране кино, развертывающихся перед зрителем в первом ряду.

Огромное количество самолетов кружилось как в грандиозном балете, то собираясь в небольшие группы, то распадаясь. Все напоминало картинки в калейдоскопе, когда безумный хаос вдруг складывается в прекрасные фигуры и вновь рассыпается в бесформенное, чтоб через мгновение стать еще более красивым сочетанием. Следующий эшелон самолетов землян сменил первых, нуждающихся в дозаправке, атака продолжилась без остановок и пауз. Враг дрогнул и стал выходить из боя, поднимаясь в стратосферу и дальше. Это были поврежденные летательные аппараты, там их принимали огромные сигарообразные корабли, помещая в свое чрево через огромные люки. Часть кораблей инопланетян, дымя огромными шлейфами, рухнули на землю, другая группа просто увеличила скорость и вскоре оторвалась от преследования наших летчиков. Они развернулись через правое плечо, чтобы атаковать менее многочисленную эскадру канадских самолетов, но были перехвачены предусмотревшими этот маневр самолетами, дополнительно поднятыми с земли. Иноземцев зажали между взлетевшими и преследующими машинами.

С востока стала приближаться группировка инопланетян, задержавшихся над Атлантикой. Их встретил рой ракет ПВО, который не дал им возможности прийти на помощь первой группе, ударить по американским самолетам в правый фланг; и они отступили к океану, также неся потери. Чтобы не допустить подхода помощи из космоса, в небо поднялись стратегические ракеты и пошли к ближайшим орбитам, где висела многочисленная флотилия инопланетян. Огненные вспышки ядерных зарядов в космосе осветили начавший уже темнеть небосклон, как в самый яркий полдень, и, погаснув через некоторое время, усугубили сумерки вечера. Оставшиеся инопланетные корабли, как по команде, стали резко-вертикально набирать высоту и остановились за «потолком» наших самолетов, выше их досягаемости. Дождались последних выходящих из боя, зависнув правильным квадратом, и еще через мгновенье ушли в космос, плавно сгибая плоскость своей фигуры одной стороной в небо. Бой закончился без очевидной победы одних над другими. Пришло время врачевать раны.

Просмотрев часть видеоматериалов с самолетов, данные с земных военных объектов, специалисты пришли к выводу, что уничтожено пятьдесят семь боевых машин пришельцев, четыре корабля сигарообразной формы, используемых против наземных целей, и пятнадцать треугольных, прозванных уже «погребальными». Данных с космических орбит не было, все спутники землян в космосе к этому моменту уже не функционировали. Еще шестьдесят пять кораблей были эвакуированы огромными сигарообразными спутниками, и их состояние оставалось неизвестным. Свои потери эксперты открыли только военным: земляне потеряли окончательно сто девяносто три самолета, еще более двухсот были повреждены, многие существенно. Получалось, на завтра люди могли поднять всего порядка пятисот самолетов, притом большинство из них будут уже устаревших модификаций, и еще сто пятьдесят машин F-35. Ракетный арсенал был израсходован на четверть, но его эффективность, как выяснили эксперты, оказалась ниже расчетной. Польза ядерной бомбардировки ближней орбиты земли, где предполагалась дислокация основных сил противника, пока ничем подтверждена не была. Обсерватории, которым было получено выяснить это, не могли видеть происходящего в космосе. Выяснилось, что, как и при приближении к Земле, пришельцы закрыли сектор своего местоположения огромным экраном голограммы звездного неба. Вся ночь для землян прошла в подготовке к решающему сражению, каждый знал, что завтра решится судьба человеческой цивилизации. С юга пришло подкрепление из Бразилии, Аргентины и других стран Латинской Америки. На подходе была эскадрилья из Австралии и Новой Зеландии, летевшая с дозаправкой в Эквадоре и Мексике.

Утром все приготовились к отражению атаки. Корабли инопланетян появились с первыми лучами Солнца прямо над Карибским заливом в количестве двухсот штук и, разделившись на две части, двинулись на северо-восток. Они применили какой-то новый вид излучения и стали невидимы для радаров землян. С этого момента практически все наши ракеты стали бесполезными, к тому же по ходу их движения, чуть поодаль шли «сигары», уничтожая людей и в первую очередь военные расчеты пусковых точек ПВО. Через двадцать минут еще одна группа кораблей пришельцев появилась над Мексиканским заливом, в районе полуострова Юкатан, и на огромной скорости приблизилась к самолетам землян, вылетевшим на перехват первой группы. Они ударили им в правый фланг и тыл, когда те только приближались к первой группе, умышленно летящей с небольшой скоростью, и вступили с ними в бой; первые же, увеличив скорость, легко оторвались и ушли далеко на северо-восток. В тот же миг с неба свалились еще двести боевых кораблей пришельцев, едва не задев последних,

уходящих от боя в сторону Тихого океана. Они и вторая группа зажали наши самолеты в тиски и, зависнув одни повыше справа, другие пониже слева, изрезали всю нашу эскадрилью на мелкие части лучами своих лазеров. Спаслись лишь двенадцать пилотов, сумевших катапультироваться и избежать смертельных лучей.

В командовании наших войск тем временем произошли сумятица вследствие такого неудачного начала и, как следствие, заминка. Вошедшая со стороны Гренландии четвертая группировка инопланетян уничтожила почти весь арсенал канадцев на аэродромах и у бесполезных, несмотря на полную боевую готовность, точек ПВО. Как апофеоз и агония, в центре уже почти уничтоженных Соединенных Штатов взмыли вверх и подорвались по команде с Земли семь ядерных стратегических ракет большой мощности. Но это ничего не изменило. Рассчитанные на полеты в космосе, вражеские спутники почти не пострадали, не считая семи кораблей, припечатанных к земле ударной волной. Зато, по недоумию командования, множество людей погибло именно от этих взрывов; впрочем, абсолютное большинство из них все равно было обречено погибнуть; и какая смерть была для них предпочтительней, так и останется неизвестно вовеки. После окончания битвы в воздухе пришельцы быстро зачистили основную территорию Штатов и, сгруппировавшись в две армии по двести машин, прошлись по всей длине американского континента, уничтожив над Мексикой воздушный флот Австралии. Часов через семь они двумя командами повернули и пошли в сторону Индонезии и других стран Индийского океана. Сопротивления к этому моменту пришельцы почти не встречали, основная работа теперь выполнялась «сигарами» и треугольными кораблями. На сегодня небольшие группы людей еще продолжают свое существование в труднодоступных местах по всему земному шару, в основном среди гор. Вы – одна из таких групп. За всеми вами продолжается охота, и с каждым днем вас становится все меньше, – моряк опустил руку с поднятым пальцем, подошел и присел на край моей скамьи:

– А теперь главное. Просто усваивай и запоминай, видеть это ты не сможешь. Только ты и твой выбор способны изменить положение. Секрет заключается в твоих экстрасенсорных возможностях. Ты об этом не знал и не догадывался, и только воля Бога привела меня сейчас сюда объявить тебе это. Но запомни: никто и никогда не будет постоянно рядом, чтобы подсказывать, тем более указывать; тебя не будут вести как простого исполнителя Воли Божьей. Множество решений предстоит принять тебе самому, исходя лишь из своих соображений. Не ошибись ни разу. У тебя все получится, если ты будешь добр и милосерден, с одной стороны, отважен и беспощаден – с другой, – он встал с

лавки, прошел к двери и, услышав мои мысли вдогонку, повернувшись вполоборота, ответил на них:

– Все дело в кислороде, пришельцы не смогут существовать на Земле, не повысив его уровень в атмосфере. Они уже начали производить этот газ, – кислород с их родной планеты, несколько отличный от Земного. Глупцы, просчитались и не предвидят, что хоронят себя сами. Больше всех от этого выиграют люди, и ты в первую очередь. Твой мозг получит совершенно новую энергию и возможности, – он сделал шаг через порог и растаял в сгущающихся сумерках, столкнувшись, как мне показалось, с Сэмом:

– Мы с девушками уже разволновались, не случилось уж чего. Что сидишь тут один, пойдем вниз.

Я понял: Сэм не видел субстанцию моряка.

11. Первые знания

Возникший клубок сомнений шевельнулся в голове: что это было? Сон, явь? Такого со мной еще никогда не происходило. Конечно, мне было известно множество историй о душах умерших людей и событиях, связанных с этим, но всегда я воспринимал их в глубине души как вымысел для достижения корыстных целей либо как чрезмерную игру нездоровой фантазии. В данном случае корыстные интересы, безусловно, неуместны.

«Значит, у меня не в порядке психика?» – задал я себе вопрос. В пользу этого говорили и все события прошлых дней, начиная с авиакатастрофы и до сегодняшнего дня, можно сказать, я постоянно жил в стрессе. И вот, достиг апогея…

С другой стороны, абсолютная четкость и последовательность изложенного и увиденного, точное соответствие их всем событиям, обстоятельствам в их хронологическом порядке – все подсказывало мне, что я здоров; просто сами эти события настолько экстраординарны, что и осознаны они могут быть исключительно нерациональными психофизическими способами. Но сомнения в

реальности произошедшего продолжали смущать меня. И, как молния, готовое решение: все легко проверить. Способ установить истину в данном сомнении мгновенно созрел и выплеснулся вопросом:

– Сэм, можно я попрошу тебя об одолжении? Все будет совершенно просто, только сначала согласись на два условия. Первое – ты никому ничего не расскажешь о нашем разговоре. Второе – ты ничему не станешь удивляться, какой бы странной моя просьба ни показалась тебе.

Парень приблизил свое лицо к моему и тревожно спросил:

– У тебя точно все в порядке. Я выполню все, о чем ты просишь, но меня настораживает твой тон.

– Меня самого настораживает, и не только собственный тон, вообще все. Ну так что? – наши взгляды встретились, я увидел беспокойство, которое нарастало в нем. Он действительно боялся за меня, ему виделось, что я «ухожу», а они с девочками «прощаются» со мной.

– Не волнуйся, я совершенно здоров и не помышляю расставаться с вами. Речь о другом, – я положил руку ему на плечо, и он кивнул, согласившись:

– Обещаю все выполнить как просишь.

– Тогда прямо сейчас подумай конкретно о чем-то, что я знать не могу. О чем угодно, но, повторяю, чтоб я и догадаться не мог, – Сэм вышел на середину рубки, встал перед штурвалом и застыл, придумывая…

Я сразу начал ровным голосом говорить:

– Сначала ты перебирал варианты: твой дом, отец. Он, кстати, совершенно седой и почему-то в пижаме, мама входит с полотенцем в руках, зовет вас завтракать. Ты в постели… На этом ты оборвал эти воспоминания, решив, что это совершенно просто и банально. Сразу после этого ты вспомнил случай на пирсе, когда на велосипеде слишком круто заложил вираж и, скользнув на боку по асфальту, свалился в море. Тут ты остановился, сочтя и это неподходящим, впрочем, я знаю дальнейшее: тебя вытащил из воды прохожий в кожаной куртке

и порвал ее при этом, вытаскивая тебя, вцепившегося мертвой хваткой в велосипед, из воды. Все потом еще смеялись, мол, велик тебе дороже жизни, а через два дня отец вернулся с работы с новой кожанкой, мать испекла пирог, и вы все вместе отправились к тому прохожему. Кстати, ты забыл его имя, да и сейчас не помнишь. А я знаю, его зовут Николай. Вы пили чай у него в квартире, и тебе очень понравился его глобус. Ты крутил его и рассказывал о месте, куда попадал твой палец. На третий раз глобус остановился, и ты с трудом прочел:

– Остров Сахалин, ничего о таком острове не знаю.

А он сказал, что там родился. Вы стали дружить семьями, но вскоре он погиб в катастрофе в Боливии, его жена уехала на опознание тела и больше не вернулась.

Потом ты переключился на рацию, решил посоветоваться со мной, что надо бы хоть изредка прослушивать эфир. Тут ты отвлекся, забыл обо мне и стал перебирать технические варианты, которые могли бы быть опасны в процессе этого. В конце ты счел прослушивание безопасным и хотел прервать неясный и ненужный, как казалось тебе еще пару секунд назад, сеанс, чтоб поговорить о рации, – я остановился. Всем своим видом Сэм выражал величайшую растерянность и удивление.

– Заканчиваю. Остальное только «ух ты», «во дает» и еще похлеще. А откуда ты, интересно, знаешь русский мат? – Сэм замахал руками, выговорить слова не получалось. Я обнял его:

– Успокойся, успокойся. Все хорошо. Пойдем ужинать, девушки заждались. Да, и вот еще: забудь о рации, люди ими больше не пользуются, эти твари запускают в эфир свои разводки, чтоб находить уцелевших, – произнес я, уже в точности зная, что это именно так.

Эксперимент закончился, больше я никогда не подвергал сомнению знания, спущенные мне сверху. Перед дверью в кают-компанию Сэм повернулся ко мне:

– Нужно ли нам сохранять тайну?

– Наверно, ты прав, в этом нет нужды, просто не обрушивай на их головы слишком много информации сразу. Ни к чему, они скоро и сами многое поймут. В

первую очередь через твои открывшиеся «способности».

– Что ты имеешь в виду?

– Сэм, мы общаемся с тобой, не произнося ни слова, а ты и не замечаешь.

Считай, что перешел на следующий уровень бытия, – пошутил я. Он вздрогнул, поднес пальцы к губам и, убедившись во всем сам, ошалело посмотрел на меня.

– Проходи, за чаем все объясню.

Мы вошли в кают-компанию. Запах кофе и жареных гренок сразу дал моему аппетиту команду «разыграться». Девушки стояли у стола и ждали. Я сразу определил, что Мария все поняла уже, а Николь не врубается, считает все мистикой и разыгравшимся воображением. Им обеим стал понятен весь наш телепатический разговор перед дверью, будто они слышали его ушами.

Для себя я отметил, что общаться без речи можно двумя способами: усваивают и понимают все вокруг, и общаются только те, кого я выбрал в собеседники. Для этого надо чуть изменять усилие для общения, как изменяется громкость голоса, например.

– Ну что же, придется сразу все объяснить, только перекушу, с вашего позволения.

Мария подвинула мне стул в торце стола, сама села справа, Николь и Сэм – слева. Перекусив, все затихли в ожидании разъяснений. По-видимому, они, как и я вчера, уже чувствовали горечь моего повествования.

– С чего начать: с плохого или хорошего?

– Сначала плохое, – уверено произнесла Мария, – думаю, так общая картина станет пооптимистичней.

Я начал:

– Восьмого октября на рассвете в атмосферу нашей планеты вошли порядка четырехсот летательных аппаратов пришельцев с целью захвата Земли… – я потратил примерно полчаса на изложение, все время контролируя их сознание. В их головах не всплывали визуальные картины событий моего рассказа, как видел все я, они просто усваивали информацию, занося ее в память. Поэтому я изложил все как можно короче, но итог был ясен и так: та цивилизация, в которой мы родились и жили, перестала существовать.

Мои друзья сидели, склонив головы, понимая, что это не все, еще будет «хорошее».

– Николь, – обратился я к ней, – чувствую твою образованность, но не могу разобраться, какая у тебя специальность?

– Биофизик, мы с Марией проходили практику в океанической лаборатории недалеко от поселка. Она по своему направлению – биохимии, я по своему. Сэм работал там постоянно инженером и помогал нам в нашей научной деятельности.

– Отлично! Попрошу вас подняться прямо сейчас на палубу и как специалистов оценить, что в окружающем пространстве кажется необычным.

Они молча оделись и вышли. Их не терзали сомнения, они полностью доверяли мне и сходу приняли все услышанное за аксиому. На палубе послышались их голоса, они внимательно все осматривали, обсуждая между собой.

Мне стало ясно: без меня ребята не могли еще общаться мысленно, их экстрасенсорные возможности не позволяли пока такого. Я как бы являюсь пока катализатором их возможностей. Ну ничего, скоро все изменится.

Вернувшись, они хором, одновременно телепатически передали мне ответ, и он был совершенно точен:

– Воздух, воздух совершенно другой, – дальше Сэм взял инициативу в руки и пояснил:

– Воздух стал гораздо плотнее, что ли, и очень свеж, приятен.

– Абсолютно верно, в самое яблочко, но чем вы это можете объяснить, специалисты?

Мария сделала шаг вперед:

– У нас нет оборудования для точного исследования, но, на первый взгляд, воздух пресыщен кислородом, может, и другими составляющими, но кислородом – точно.

Я подошел и обнял ее, при этом ощутив ее податливость и ответное движение:

– Все верно, ребята! Это кислород. Теперь объясню остальное, – потратив еще полчаса, я рассказал им все, что знал сам, и увидел, как загораются их глаза. Эта часть стала для них действительно «хорошим», шанс не умереть забрезжил ярким светом. Они уже твердо верили, что будут спасены.

Мы сели к столу и допили чай, девушки побежали мыть посуду. Мне требовалось обсудить с Сэмом тему аккумуляторов на катере, но внезапно к горлу подступил ком приступа жажды. Мучительное чувство наполнило меня, его невозможно было преодолеть, заглушить. Вспомнив только что выпитый чай, понял, что это не мое чувство, страдает кто-то другой. Закрыв глаза, я все понял, увидел и услышал.

Сэм привстал, поняв, что со мной не все в порядке, встревоженно позвал Марию. Девушки подбежали, но я уже полностью овладел ситуацией:

– Что вы чувствуете, напрягитесь, что чувствуете? – повысил уровень посыла к ним я, но они молча смотрели, в унисон друг с другом посылая свои вопросы. Им казалось, что мне стало плохо.

– Не то, не то, я прекрасно себя чувствую, напрягитесь, – молча прокричал я, пытаясь перенести чувства далеких пока людей в их сознание, и они посерьезнели, стали всматриваться внутрь себя. Через секунду Мария первой произнесла:

– Жутко хочу пить. Не пойму, ведь только что напилась под завязку.

– И я, – подхватила Николь, – верней, не хочу, но откуда-то чувствую жажду.

Подытожил Сэм:

– Это не мы хотим, жажду чувствует кто-то, а мы принимаем этот сигнал.

– Верно, Сэм. Это люди плывут к нам, мы должны им помочь. Берем фляги, прибор ночного видения – и вперед.

– А вода, воду надо налить? – обратился к девушкам Сэм.

– Не надо, – оборвал его я, – там водопад свежей воды, постарайтесь взять восемь бутылок, пошли.

Выскочив на пляж, я побежал вдоль берега на запад. Ребята молча следовали за мной, их доверие мне стало безгранично.

Бежать мы старались вдоль свободной от снега кромки океана. Преодолев километров пять, никто из нас не чувствовал значительной усталости, не задыхался от бега. Сказывалось насыщение кислородом окружающей атмосферы.

Темное море проглядывалось не более чем на десять метров. Было спокойно и безветренно. Потратив на все про все с час времени, мы остановились у первого протока неширокой дельты давно знакомой мне речушки, перед самым впадением ее в море.

– Им осталось совсем чуть-чуть. Наполняем скорей фляги, – скомандовал я.

– Нет, только по сто граммов примерно. Им больше пока нельзя, – Николь взяла одну и наполнила как сказала, – примерно по столько.

Разобрав емкости, остальные склонились к воде и наполнив бутыли, пошли к краю прибоя. Прямо напротив нас из темноты выскочила шлюпка и через мгновенье ткнулась в прибрежную гальку. Изможденные люди бросили весла и повалились на скамьи, лишенные сил. Мы молча протянули им сосуды с водой, они так же молча схватили и жадно выпили.

12. Пополнение

Лишь спустя некоторое время один из них, старший и по возрасту, и, по всей видимости, по положению, приподнялся и сел на лавку:

– Мы приплыли с острова. Долго объяснять, все потом. Но мне показалось, или вы действительно нас ждали?

Мария взяла инициативу на себя:

– И нам долго. Сейчас еще по глотку воды и пока достаточно.

– Да, да. Еще по глотку.

Все протянули к ней фляги. Мария принесла наполненной одну:

– На всех. Строго по глотку, максимум по два.

Мы молча смотрели, как они передают бутылку соседу, делая ровно по два глотка. Тем временем я попытался обратиться к ним привычным для меня уже способом, без речи, и тот, кто говорил первым, повернулся ко мне. Наши глаза встретились:

– Я знал, что Господь не оставит нас. Пошлет спасение.

Возвращались к катеру по морю, на шлюпке. Среди прибывших были две женщины и подросток. Им не по силам было преодолеть пять километров пешком. На весла сели трое крепких ребят и Сэм. Николь, надев прибор ночного видения, устроилась на корме, как заправский боцман. Отдавая команды гребцам, она вывела шлюпку в море. Мы со старшим из прибывших сели на лавку перед самым носом лодки, Мария расположилась как впередсмотрящая. Монотонные команды быстро усыпили женщин и подростка. Гребцы послушно подчинялись Николь и то налегали, то «сушили» весла. Мы с Айроном, так он представился, облокотились друг на друга, и я, хоть и не хотел, увидел все

произошедшее с ним и его товарищами. Губы старца дрогнули и произнесли шепотом:

– В добрый путь, – а перед мной уже развернулась картина всего пережитого этими изможденными людьми, всех трагических событий, которые им пришлось преодолеть за последние дни.

Девятого октября небольшая компания из поселка километрах в двадцати на запад от нас вышла на прогулку в море. Прогулочный катер, собрав семь туристов, отчалил от пирса в час дня и пошел в море к виднеющемуся на востоке острову. Час ходу, и туристы высадились в маленькой бухте на западном берегу острова. Прочитав инструктаж, гид-капитан повел всех на самый верх сопки, возвышающейся прямо у бухты. Моряк с оружием на случай встречи с белым медведем шел впереди, рассказывая байки, как и положено гиду. Потратив еще с час, они вышли на вершину покатой горы и стали осматривать окрестности. Внимание привлек военный корабль, скорей всего, корвет, который шел от еле заметной вдали кромки льдов в нашу сторону. Все было спокойно и гармонично, пока кто-то не обратил внимание на небольшой предмет в небе. Сначала все посмеялись:

– Ну, вот, и нам повезло увидеть… – серьезно к этому никто не отнесся. Как вдруг со стороны корвета последовал залп, потом еще и еще. Огненными шарами снаряды взорвались, не долетев до летающего объекта, который завис в миле от судна. Мелким стрекотом заработали зенитные орудия и множеством вспышек от разрывов снарядов высветили защитный экран перед пришельцем.

В свете бесчисленных публикаций и кино на тему инопланетян туристы и тогда не очень обеспокоились. Продолжали смотреть, даже подшучивать. Но когда из-за мыса, скрывающего наш поселок, выдвинулся погранично-сторожевой корабль и пошел навстречу корвету, одна из женщин стала нервничать. Ее муж и сын служили в пограничной части и как раз на этом «Сторожевике». Летающий объект, чтоб не попасть в тиски с двух сторон, начал смещаться в нашу сторону, и корабли соответственно изменили курс, нацеливаясь на него.

Когда пришелец приблизился к нам на расстояние с полкилометра, стала видна его треугольная форма с закругленными углами. Он завис почти над самой бухтой, где стоял наш катер. Все шутки и ухмылки насчет съемок нового блокбастера мгновенно исчезли. Повисла полная тишина, нарушаемая только стрекотом зениток. Оба корабля, взяв прицел, возобновили стрельбу. Вблизи

туристы еще отчетливей увидели, как рвутся снаряды у мерцающего сеточного экрана перед кораблем пришельцев, не причиняя ему ущерба. Все попрятались за камни, торчащие коряги, забились в углубления на снегу. Страх вселился в каждого из них.

«Вот оно и пришло, вторжение инопланетян, “война миров”», – звучало в головах каждого из них. Разглядывая летающий объект, люди и не заметили поначалу, как из-за мыса бухты, прикрывающей их поселок, вылетели три тарелкообразных корабля и чуть позднее еще и огромный сигарообразный объект. Все закончилось, почти и не начавшись. В сторону наших судов с тарелок, зашедших с тыла, протянулись бледные лучи, и те вспыхнули ярким пламенем. В последний момент оба выпустили по две ракеты синхронно, и получилось, что три из них попали в защитный экран одновременно. Огромная дыра расползлась по еле видимой сетке, и она свернулась в боковые углы корабля инопланетян, освобождая путь третьей ракете. Громкий взрыв разорвал треугольник почти по биссектрисе, было видно массу предметов, посыпавшихся из чрева, среди них все заметили тела нескольких существ, отдаленно похожих на людей, только более мелких. Треугольный корабль накренился и, падая, угодил в бухту, похоронив под собой прогулочный катер туристов. В небо взвился сначала огненный шар, за ним густой черный дым накрыл сопку и потянулся с ветром через весь остров в море. По всей видимости, дым и спас туристов. Под его прикрытием люди спустились к морю с другой стороны сопки и укрылись в скалах. Ночь прошла в страшном нервном напряжении и гробовой тишине. Женщины смотрели на все очумевшими глазами и закрывали ладонями рты, боясь даже всхлипнуть, все молчали, осмысливая увиденное. Так прошли ночь и почти весь следующий день. Только к вечеру оцепенение начало спадать с них, и тут же дали о себе знать жажда и голод. Они и заставили мужчин действовать.

Под прикрытием ночи четверо из них пробрались через весь остров к месту стоянки катера. Он был на месте, об упавшем корабле пришельцев ничего даже не напоминало, кроме обгорелых скал и берега. С их слов, тарелка упала в воду, по-видимому, метрах в десяти от кораблика, смяв его правый борт, а вот огонь нанес колоссальный вред. Почти все выгорело. С трудом им удалось найти и дотащить двадцатилитровую канистру, на четверть заполненную питьевой водой, да еще несколько обгорелых банок консервов, которые еле-еле открыли единственным ножом. Так прошли еще несколько суток. Почти не разговаривая, люди, как зомби, сидели под скалой, лишь ненадолго отлучаясь по необходимости. Пятый день принес с собой полузатопленную шлюпку с уничтоженного «Сторожевика». Она качалась на волнах метрах в ста от берега.

У женщины, которая похоронила с кораблем мужа и сына, началась жуткая истерика. Ее безуспешно пытались успокоить сначала подруги, потом все по очереди, но пресёк все Айрон, дав ей пощечину, а потом поговорив в стороне от всех.

Когда он вернулся, собрал всех и в первый раз поднял разговор о необходимости делать что-то, если никто не хочет сгинуть здесь от жажды, голода и холода. Воды при всех способах экономии хватит еще на пару раз по несколько глотков каждому.

Решено было с помощью лодки добраться до берега, «а там уж, – подытожил Айрон, – как Бог даст».

На берегу нашли несколько коряг и останков бревен, и с наступлением ночи двое молодых людей, кто посильнее, поплыли с этими деревяшками за лодкой. Помогло, что за день шлюпку прибило к берегу поближе и до нее оставалось доплыть не более пятидесяти метров. Но и эта дистанция для голодных, измученных людей была очень длинной. Все же, доплыв, ребята залезли в шлюпку, еще законсервированную брезентовым чехлом. По счастью, когда скинули материю, в шлюпке оказались весла, и парни быстро пригнали ее к берегу. Вычерпав воду, люди погрузились в лодку и тщательно изучили нутро: нет ли течи, до берега ведь необходимо преодолеть не менее пяти миль. Под утро, спрятав суденышко среди скал, все сели, прижимаясь друг к другу, чтобы провести свой последний день на острове и ночью тронуться в путь. Холод, жажда и голод сделали свое мерзкое дело: к ночи двое уже не смогли встать. Их донесли и, усадив на корму, вышли в море.

Отчетливо рассмотрев и прочувствовав все мытарства новых друзей, именно в том виде, как произошли и пережились они в сознании этого пожилого человека, я испытал глубочайшее сочувствие и боль за них всех. Ни слов, ни мыслей для передачи в сознание Айрона у меня не было. Только боль, сожаление и сочувствие. Он понял это, повернулся, положил свою ладонь на мою:

– Наверно, у всех нас схожие истории. Такое сострадание многого стоит… Однако объясни: как ты все это делаешь? – мужчина прямо посмотрел мне в глаза.

– И не только делаю сам, но и должен помочь всем обрести такие возможности. Как бы получше сказать, чтоб без пафоса: сделать первый шаг, а затем пройти весь путь и победить, так, пожалуй, будет верно.

Десяти минут мне хватило передать ему все, что знал сам о произошедшем с людьми и перспективах выживших. Оставил только нераскрытым, от кого и как я получил все знания. Чем дальше, тем сильней он сжимал мою руку и, усвоив все, резко отпустил. Его мысли зазвучали в моей голове:

– Знаешь, я давно чувствовал и знал, что нам предстоит встретиться. Уже много лет я служу священником в церкви Адвентистов Седьмого Дня, – начал свою личную историю Айрон.

– Все последнее время много ездил и на Ближний Восток, и по Старому Свету, и здесь, по Америке, изучая манускрипты, беседуя со сведущими. В нашей церкви, не во всей, но у нескольких служителей, сложилось отличное от канонического мнение о ряде грядущих событий. Как оказалось, такие же немногочисленные группы со своими взглядами на события как прошлого, так и будущего сложились и в церквях других конфессий и даже религий. Мы чувствовали и понимали: что-то грядет, и многое из прошлого при взгляде под несколько другим углом от принятого говорило о близкой катастрофе и предрекало ее. В большинстве случаев нас просто игнорировали и запрещали думать таким образом. Но я остался при своих убеждениях, а те ретрограды, кто запрещал, не видели, скорей всего, ничего дальше своего носа, перед которым уже стояла смерть. Она к ним и пришла, наверное.

В этот момент Николь скомандовала гребцам по правому борту «сушить весла», лодка свернула направо и, зашелестев прибрежной галькой, выскочила на берег перед скалой, закрывающей катер.

Мы с Айроном переглянулись: пришло время отдыха измученных походом людей, договорим потом. Помогая ослабленным, поднялись на палубу. Усталость и стресс не позволили прибывшим даже удивиться трупу медведя. Они молча обходили его, а некоторые даже наступали.

Накормив и напоив всех безопасными дозами воды и пищи, девушки разложили людей отдыхать, где только было возможно.

Мария осталась присматривать за прибывшими, а Сэм и Николь заступили на дежурство. Я отправился ночевать в моторный отсек. Там было тепло и сухо. Мария принесла одеяло и бережно укрыла меня.

III. Осознание

13. Посвящение

Проснулся рано, на часах почти ровно шесть утра. Что-то необычное возникло в сознании. Разобравшись в ощущениях, понял: мне надо выйти на пляж, там станет ясней.

На свежем воздухе бодрый настрой сменил ночную вялость моих мыслей, но, кроме этого, ничего не произошло, и, перед тем как идти обратно спать, я решил прогуляться до обрыва и назад. Темная стена скалы росла ввысь по мере моего приближения, и черная тень как бы сгущалась передо мной. Приблизившись к могиле Мигеля, осознал, что он и звал. Прохладный порыв проник под куртку, наброшенную поверх майки. Моряк уже здесь, позади меня. Не оборачиваясь, я поздоровался:

– Здравствуй, Мигель.

– Я не «здравствую», просто здесь, – пограничник обошел меня и встал напротив. В сумрачной темноте не разглядеть было его полупрозрачность, и это располагало к спокойному общению.

– Спокойно теперь можешь только спать, и то изредка, – вклинился он в мой мозг. – Теперь ты на самом острие событий. Для полного усвоения своих возможностей тебе еще далеко, но события уже наступили, и придется встречать их таким, каков ты есть сейчас. Сегодня первая такая встреча с тварями. Один из вновь прибывших не уснул. Зашел в рубку. Сэм с Николь отлучились обойти и проверить окрестности. Этот человек по незнанию включил рацию на передачу, случайно набрав нужную комбинацию клавиш. Он ничего не

произнес, он даже не включил микрофон, но пеленг ушел в эфир и был засечён. Тут есть плюс: поскольку конкретно людей твари не услышали, сюда прилетит разведывательный корабль, а не боевая группа уничтожения. Придется напрячься, иного выхода нет. Ты должен победить, иначе всё напрасно.

Всем своим видом и мыслями я старался показать, что готов, но, наверно, был смешон в его глазах, ведь главные вопросы: как побеждать, чем противостоять, а главное, как убивать эти создания? – были мне неизвестны.

– В самую точку, «как убивать?» – прервал мои рассуждения Мигель. – Сегодня я пришел объяснить именно это. Слушай, видеть не сможешь, таких образов в твоем сознании пока нет. Сначала о защите себя и друзей: помнишь, судьба свела тебя с арестантом, отбывавшим срок еще в СССР за занятия йогой? Вспоминай: «Хари Кришна, Хари Кришна, Хари Рама…» – я кивнул в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/hrustaleva_anastasiya/potomok

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити